

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и
СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1854. № 6.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1.

СЪВЕРНОЕ СІЯНІЕ.

К а р т и н а.

*(Вълое море; вдалекѣ видны когующія льдины. На берегу раз-
ложенъ огонь, на треножники кипятъ горшочки; возлѣ рыбац-
каѣ лодка; два рыбака лежатъ у огня.)*

О т е ц ъ,

Всегда одно и то же! Сколько разъ
Я говорилъ тебѣ: оспавъ ты думу...
Что выдумаешь ты?

С ы н ъ, *(какъ будто просыпался.)*

Я? ничего!

О т е ц ъ,

Ну, такъ зачѣмъ и думаешь по пустому?
Михайло! Я люблю тебя, ты знаешь,
А все таки не приучу тебя
Къ жишью—бышью рыбацкому; охоты
Въ тебѣ не вижу; безъ охоты — плохо...

С ы н ъ.

Я не скучаю нашимъ ремесломъ,
Охота есть . . .

О т е ц ь.

Да нѣтъ талану, такъ ли?

С ы н ь.

Нѣтъ! и не то...

О т е ц ь.

А что же?

С ы н ь.

Видишь, — часто

Какъ засмотрюсь на море безъ конца,
На кочевую льдину или рыбу,
Огромную, невиданную рыбу,
На золотое солнышко, на мѣсяцъ,
На небо, что въ звѣздахъ горитъ такъ ярко,
Какъ нашъ иконостасъ соборный — горько
Мнѣ что-то на сердцѣ; и самъ не слышу,
Какъ слезы сыплются росой весенней,
И хочется чего-то, да не знаю...

О т е ц ь.

Θадей, Θадей! И что за диво море
И солнце и луна и ледъ и рыба!!

С ы н ь.

Не диво, — такъ! Но диво — какъ устроилъ
Святой Творецъ земную эту утварь!

О т е ц ь.

Михайло! Не въ попы ли, полно, мѣлишь?

С ы н ь.

Нѣтъ, не въ попы, а просто въ рыбаки...
Да все хотѣлось бы спросить: откуда
Выходишь солнце и куда заходишь?

О т е ц ъ .

Ложится спать. — Пора и намъ, Михайло !
 Ложись и спи. Сегодня ночь свѣпла ,
 А рыба не плоха ; замѣшишь неводъ
 И прудъ напрасенъ. Не пуши огня,
 Пускай горитъ... Подай пулупъ, Михайло !
 (*Укрывается и засыпаетъ.*)

С ы н ъ , (*сидя.*)

На лѣво спать ложился, а на право
 Вспаешь отъ сна!...

Нѣтъ! Солнышко не спиитъ! —
 Какъ бѣлый гусь плыветъ по морю льдина,
 Ни ногъ, ни крылъ, а все идетъ, идетъ,
 И никогда назадъ ужъ не приходитъ!
 Гдѣ остановится и гдѣ приспанетъ?
 Никто не знаетъ, только Богъ одинъ.
 А солнышко, что день, на небеси
 Все возвращается и все уходитъ;
 Уйдетъ — такъ жалко, а придетъ — привольно...
 И вѣчно по же!...

(*Встаетъ.*)

Чуденъ Божій свѣтъ!

Никто его не знаетъ!.. Это небо
 Усыпано, какъ макомъ золотистымъ,
 Красивыми и яркими звездами!
 Что звездочки? за звездочками что?
 Творецъ живетъ въ Святомъ своемъ Соборѣ,
 Архангелы ему обѣдно служатъ,
 А міръ его всѣ добрые земли!
 О Господи, помилуй! Помяни
 Меня во царствѣ Твоемъ небесномъ!
 Владыко живопа, Царю небесный!

(*Сверное сіяніе.*)

Что это? небо загорѣлось! — Море,

Какъ парчевая плащаница . . . Дивно!

О, умудри меня, премудрый Опче...

(Скверное сіяніе дѣлается сильнѣе.)

Пожаръ... пожаръ! Проснись, опецъ! Пожаръ!

О т е ц ъ, *(просыпаясь.)*

Какой пожаръ? Чему горѣшь?...

С ы н ъ.

Все небо

Огнемъ горитъ... расходятся столпы

То сходятся, то вяжущся въ снопы...

И словно рожь, разбросаны по полю...

О т е ц ъ.

Охъ! Не къ добру явленіе Господне!

Быть голоду, войнѣ иль паяжкой лавѣ.

То силы неба сходятся и спорятъ:

Кому насласть на Христіанъ невзгоду?

Молись, Михайло!

С ы н ъ.

Господи, помилуй!

Молюсь Тебѣ, Владыко нашихъ силъ!

Но эпитъ свѣтъ пророкомъ общихъ бѣдствій?

Нѣтъ, Господи, не вѣрю я опцу;

Прости меня, и небу не повѣрю,

Чтобъ тихое сіяніе столбовъ, —

Игра лучей, веселіе и радость, —

Небесныхъ силъ кровавымъ споромъ были!

Небесныхъ силъ! Силъ благости и мира!...

Нѣтъ! Я сляпецъ! и долженъ вѣрять сказкамъ:

Никто меня на правду не наставилъ!

Никто мнѣ не подастъ къ добру совѣта!

Не скажешь мнѣ, чего не знаю я!...

Вопъ небо все, какъ нѣкій чудотворецъ,

Что на иконѣ блещетъ въ самоцѣлкахъ,

Въ сіяніи, какъ въ морѣ утопаешь!
И никому и ничему вреда!!
Нѣтъ! разгарайшесь больше, силы неба!
Кипи огонь! Нѣтъ! Ты не казнь, ты нужда...

Ты благъ Творецъ, Ты внемлешь нашимъ просьбамъ
И, можешь быть, огнистыми сполнами
Ты разгоняешь мразъ спраны далекой,
Гдѣ солнышко не свѣпило и не грѣешь!...

Придетъ пора, когда моей нуждѣ
Отечески поможешь, мой Спаситель,
Душа моя расширился познаньемъ
И просвѣплѣешь умъ, какъ это небо....

(Сѣверное сіяніе постепенно уменьшается и гаснетъ; Ломоносовъ, въ какомъ-то восторгѣ и забвѣ, смотритъ на угасающее явленіе.)

Н. Кукольникъ.

(Написано 3-го Февраля 1833.)

2.

Д В Ъ М А Т Е Р И.

ПОВѢСТЬ БИБЛЮФИЛА ЖАКОБА.

(Изъ книги: *Quand j'étais jeune.*)

1782-й годъ былъ ознаменованъ для меня сильною горесью, кошую время не изгладило изъ моей памяти. Я оплакалъ потерю друга, потерю прагическую, кровавую, чуждую всякаго моего предвидѣнія, по шой спдаденности, въ кошорой стоялъ я за нимъ на пущи жизни, преисполненной надеждъ и геніальныхъ дарованій. Ахъ! ему было суждено умереть девятнадцатилѣтш!

Я получилъ въ одинъ и тотъ же день и прочелъ одно за другимъ два письма. Казалось, что жестокая игра случая сблизила ихъ; первое изъ нихъ было для меня неожиданною радостію, второе поразило меня ужасомъ. Вотъ они:

Спарый, любезный другъ мой! *Французскій Меркурій* и *Парижскій Журналъ* удостовѣряють меня въ похвалахъ, какія ты приписываешь планшю нашего Евгенія, составляющаго утѣшеніе моей спароси. И такъ правда, что картина его заслужила всеобщее одобреніе на выставкѣ и что Герцогъ Шуазель обѣщалъ представить Королю молодого живописца *Марса и Венеры, опутанныхъ стѣями Вулкана*? Я не могу долѣе пропихиваться желанію быть свидетельницею торжества моего сына; хочу видѣть превосходное его произведеніе, хочу сама слышать громкія хвалы, ему воздаваемыя. Я не удовольствовывалась тѣмъ, что всякому давала читать письмо твое, сама пускаюсь въ путь; не смотря ни на что, ни на мои шестидесять лѣтъ, ни на просьбы родныхъ, ни на опдаленность, ни на дурное время года; это намѣреніе, конечно, удивитъ тебя, другъ мой, но обвиняй въ немъ одного себя; ты своими преувеличенными похвалами заставляешь меня гордиться моимъ сыномъ и почищать себя счастливейшею матерью. — Добрый Евгеній! Онъ такъ порядоченъ въ дѣлахъ своихъ и такъ трудолюбивъ! Не правда ли, онъ сдѣлается знаменитымъ артистомъ и счастье его несомнѣнно? Я везу ему

первый поршреть его, который онъ набросалъ, разспаваясь со мною; сколько разъ обливала я его своими слезами! Прошу тебя не предувѣдомлять его о моемъ прїѣздѣ; я боюсь, чѣмъ онъ не сталъ беспокоиться, и я напередъ уже наслаждаюсь радостію, съ какою обнимешь онъ меня. Ты видишь, что я прошу твоего гостепріимства, лишь бы только книги твои не воспрепятствовали тому. Право, мнѣ завидна твоя къ нимъ нѣжность, но я надѣюсь, что заставляю тебя забыть ихъ на минуточку. Знаешь ли, что со времени рожденія нашего Евгенія, мы живемъ въ разлукѣ, я въ своей провинціи, а ты въ Парижѣ, неблагодарный?

*Твой другъ на вѣки, Евгенія Лавернери
вдова Бельмасъ.*

Милостивый Государь!

Вчера, 26-го текущаго Марша, нѣсколько неизвѣстныхъ лицъ, скрывавшихся подъ аркою Св. Іоанна, напали на молодого человѣка, возвращавшагося вечеромъ изъ улицы Сентъ-Оноре. Онъ упалъ, пораженный въ голову ударомъ палки, не успѣвъ обнажить шпаги; а убійцы, считая его мертвымъ, убѣжали; прохожіе нашли его безъ памяти и перенесли въ мою Канцелярію, гдѣ я подалъ ему надлежащую помощь. Пришедъ въ себя, онъ не хотѣлъ ничего объявить, хотя казалось, знаетъ тѣхъ, которые пригласили для него этого кова. Онъ скрылъ бы даже свое имя, если бы я, по данной мнѣ власти, не

принудилъ его къ признанію. Его зовушъ Евгеній Бельмасъ, Живописецъ; онъ жилъ въ улицѣ Эспираадъ; положеніе его не дозволило отвезти его на кварширу; онъ просилъ только послать за вами, но я счелъ за лучшее дождашься упря; онъ умеръ въ ночь безъ большихъ спраданій; такъ какъ вы его родспвенникъ или другъ, то издержки будушъ обращены на вашъ счетъ.

Полицейскій Коммиссаръ квартала Городской Ратуши.

Бѣдный юноша! Бѣдная мать! Погибнушъ въ такія лѣта, такимъ ужаснымъ образомъ! А она? — лишишся внезапно всѣхъ надеждъ своихъ, сосредоточенныхъ въ одномъ существѣ! И я, не менѣ несчастный, я долженъ былъ пережить того, кого любилъ, какъ сына, кого воспитывалъ съ нѣжностію отца и друга, о комъ думалъ, что онъ предназначенъ въ юныхъ лѣтахъ прославиться на поприщѣ Художествъ! О мой Евгений! Для себя обрекъ я себя холостой жизни и ученью, чпобъ оставить себя небольшое состояніе! Но мать пивоя, спѣшившая соединиться съ тобою, послѣ семилѣтней разлуки, напередъ наслаждавшаяся радостію увидѣть тебя уже въ возрастѣ и отличномъ художникомъ, ... мать пивоя, которая должна прѣхать завтра, быть можешь въ сей самый часъ! ... Эта ужасная мысль поглощала во мнѣ всѣ другія, и я представлялъ себя отчаяніе сей злополучной женщины, обнимающей одинъ хладный трупъ!

Письмо Коммиссара поразило меня громовымъ ударомъ; по видимому, я ничего не чувствовалъ, глаза не орошались слезами, но дико блуждали; изъ груди вырывались глухія рыданія; я съ горестію воспоминалъ о тайныхъ узахъ, соединявшихъ меня съ Евгеніемъ и его матерью, проклиналъ жизнь, данную мною существу, достойному шакого сожалѣнія, проклиналъ пагубную любовь, драгоценный плодъ копорой изсохъ и опалъ преждевременно. Евгеній былъ мой сынъ, хотя носилъ имя другаго, хотя Г-жа Бельмась сдѣлалась вдовою только со дня его рожденія.

Я побѣждалъ къ полицейскому Коммиссару; обманчивая надежда ускорила шаги мои, какъ будто бы смерть должна была оживотвориться опъ моего присущствія. Меня ввели въ комнату, темную и удушливую, въ копорой, на пюреномъ одрѣ, было распроспершо тѣло убитаго. Спеная, бросился я на него, согрѣвалъ его моими поцѣлуями, звалъ его прерывающимся голосомъ; онъ былъ недвижимъ, и я отступилъ опъ него, ощутивъ, что онъ хладенъ. Я сѣлъ у его изголовья; то разсматривалъ рану разбиаго его черепа, то обтиралъ еще текущую кровь и эти тщетныя попеченія пипали во мнѣ надежду, что онъ только въ обморокъ; чѣмъ болѣе обращалъ я къ нему рѣчь, тѣмъ болѣе убѣждался, что онъ можетъ слышать меня; но Коммиссаръ, копорый столько же пиягопился мною, какъ и мершвымъ, пришелъ съ претребованіемъ, чтобы я подписалъ показаніе, спалъ мучить меня пусты-

ми допросами, спарался сколь возможно болѣе взять съ меня денегъ и увлечь отъ меня останки моего сына, увѣряя, что правосудіе не оставитъ этого дѣла; какое утѣшеніе!

Въ первыя минушы глубокой скорби моей, я перялся въ щещныхъ догадкахъ, въ разсужденіи убійць Евгенія, но ни одна изъ нихъ не указывала мнѣ пути къ истинѣ, покрывшей мракомъ. Евгеній имѣлъ множество соперниковъ и завистниковъ, но при благородныхъ качествахъ души его, онъ ни въ комъ не могъ возбудить ненависти и мщенія. Я вспомнилъ, что ему дѣлали самыя выгодныя предложенія относительно продажи его картины, и потому предполагалъ, что мошенники совершили пресупленіе, дабы завладѣть суммою; но я нашелъ въ его комнатѣ условіе о продажѣ, совершенное въ самый день его убійства съ какимъ-то Лордомъ Винклевидомъ и въ мѣшкѣ сполна всю сумму, слѣдовавшую по условію за картину и составлявшую десять тысячъ франковъ. Рукою Евгенія написано было на ярлыкѣ мѣшка: »Сии деньги, плоды первыхъ трудовъ моихъ, принадлежащъ моей любезной мащери, доставившей мнѣ средства пріобрѣсти ихъ; сумма, кощорую я выручу защпорую картину, обращена будетъ на покупку книгъ для друга и благодѣтеля моего, Жакоба.«

До меня не доходили свѣтскіе толки, и не нарушали тишины убѣжища, въ кощоромъ предавался я ученымъ своимъ занятіямъ; въ щпривномъ случаѣ таинственная продажа карти-

ны и убійство живописца объяснились бы ужаснымъ образомъ! — Гораздо позже узналъ я, что въ публикѣ носились странные слухи, въ то время, когда извѣстіе о злодѣяніи возбудило всеобщее негодованіе. Начальникъ Полиціи, потребовавшій меня къ себѣ подъ предлогомъ собранія нужныхъ свѣдѣній для преслѣдованія виновныхъ, осмѣлился приписывать измѣнническое нападеніе на Евгенія ссорѣ, происшедшей за игрою или въ развратѣ! О! я со слезами защищалъ оскорбляемую память сына моего, котораго Полицейскій зналъ столь худо, и гнусныя предположенія прекрапились.

Между тѣмъ весь Парижъ зналъ, что Евгенийъ Бельмась, пламенѣвшій сильною страстію къ женѣ Г-на К . . . богатаго опкушника, имѣлъ неосторожность возбудить подозрѣніе о тѣсной связи, продолжавшейся между ими уже два года. Г-нъ К . . . , коего ревность легко обращалась въ бышенство, хотя впрочемъ нарушеніемъ супружеской вѣрности оскорблялось одно только его тщеславіе, былъ столь низокъ, что началъ оскорблять супругу свою, вмѣсто того, чтобъ требовать удовлетворенія отъ моего сына, который конечно не опрекся бы дасть его. Посему Евгенийъ счелъ себя въ правѣ не щадить сего жестокосердаго человѣка. Онъ показывалъ ему всевозможное презрѣніе, но тѣмъ не принудилъ его къ поступку, котораго желала слѣпая страсть. К . . . спалъ еще болѣе огорчая жену свою. Въ это время Евгенийъ сослав-

лялъ свою мифологическую картину, и вѣнчилъ себя въ нѣкоторое удовольствіе, давъ Вулкану безобразныя черты и спавъ откупщика, котораго поставилъ въ одинаковое съ языческимъ божествомъ положеніе. Выставивъ это двойное сходство, въ противоположность оному, онъ вздумалъ также написать Г-жу К . . . въ видѣ Венеры. Сходство было чудесно! Такъ сильно непосредственное вліяніе оригинала изобразилось на холстѣ. Онъ самъ былъ пораженъ симъ, и, спыдая сатирическаго своего произведенія, не захопѣлъ уже довершивъ его представленіемъ въ Марсѣ, самого себя, и изобразилъ Олимпійское божество, которое не соотвѣтствовало изяществу этой, достойной удивленія картинѣ, двѣ первыя фигуры коей, Венера и Вулканъ, признаны были знаменами совершенствомъ. Картина, выставленная въ общественной залѣ, обратила на себя взоры всѣхъ и заслужила всеобщія рукоплесканія; но людское злобѣіе истолковало смыслъ изображенія, и увеличило славу картины, къ прискорбію художника. Насмѣшки, въ смыслѣ несчастія, постигшаго Вулкана, сыпались со всѣхъ сторонъ на Г. К . . . ; онъ не смѣлъ даже показываться слугамъ своимъ, которые въ глаза смѣялись надъ нимъ. Г-жа К . . . столь искренно любила Евгенія, что и не думала укорять его за легкомысленный поступокъ, слѣдствія котораго должныствовали быть столь ужасны; но онъ съ удовольствіемъ пожертвовалъ ея спокойствію

и своею карпиною и своею славою, и поспѣшили принять блестящія предложенія иностранца, котораго могъ, сохранивъ для художества эпоху замѣчательный опытъ, испребыть соединенную съ нимъ личность, увезъ карпину изъ Франціи въ печеніе двадцати чепырехъ часовъ. Это именно было упомянуто въ заключенномъ о продажѣ условіи.

Въ самомъ дѣлѣ картина исчезла изъ зала, и никто не зналъ, въ чьи руки перешла она; предполагали только, что Г. К. . . купилъ ее подъ чужимъ именемъ, съ тѣмъ, чтобы испребыть ее; но когда живописецъ умеръ и пвореніе его сохранилось только въ памяти любителей, то сначала поговорили о немъ, и потомъ перешли говорить, какъ скоро свѣтское злорѣчіе нашло для себя новую пищу.

Но я, неуспѣшный отецъ, я не такъ скоро отеръ слезы, не такъ скоро забылъ горестъ, ибо земля поглотила предметъ нѣжнѣйшей любви и надежды моей! Евгений Бельмась былъ погребенъ на маломъ кладбищѣ Св. Стефана, которое въ послѣдствіи было закрыто, равно какъ и другія, вошедшія въ черту города. Я не изкопалъ могилы для сына моего, какъ Юнгъ для своей дочери, но ощущалъ горестное удовольствіе прилагать попеченія о его гробницѣ. Въ ней заключалось все, что осталось мнѣ отъ этого превосходнаго сердца, отъ этого образованнаго, тонкаго ума; отъ этого живаго, пріятнаго шаланища, отъ этой столь рано расцвѣт-

шей славы! Каменный, безъ всякихъ украшеній, мавзолей, съ одною надписью уже забытаго имени, обнесенный дерномъ и не осыняемый даже пѣнью! Каждый день, какъ святыню посѣщала я сына своего и съ гореспью разспавался съ нимъ. Госпожа Бельмасъ прїѣхала въ то время, когда я молилъ небо, чѣобы она никогда не прїѣзжала. Она была преисполнена радости, горѣла неперпѣніемъ и взорами искала своего Евгенія; но, обнявъ меня, она почувствовала, что слеза канула на ея щеку, увидѣла, что я плакалъ, поняла мое мерпвое опчаянное молчаніе и вскрикнула раздрающимъ сердце голосомъ, пребуя у меня сына; я отвѣчалъ ей одними рыданіями; она ломала себѣ руки, рвала волосы; опчаяніе ея доходило до испугленія; и это зрѣлище материнской горести, раскрывая въ душѣ моей еще кровавую рану, лишило меня силъ говорить убѣдительнымъ, спокойнымъ языкомъ утѣшителя; я могъ только раздѣлять горестъ, ядовитое ощущение общей нашей потери.

Ударъ былъ столь жестокъ и столь внезапный, что здоровье Г-жи Бельмасъ сильно поспрадало; жестокая, острая болѣзнь угрожала соединить ее съ тѣмъ, кого мы лишились; и когда она возвратилась отъ преддверія гроба, то разсудокъ ея нѣсколько помрачился отъ ужасныхъ въ продолженіе болѣзни спраданій. Во время ея выздоровленія я пренепалъ каждый разъ, когда воспоминаніе о ея несчастіи грозило погасить послѣднюю искру жизни. Наконецъ я былъ столь

счасливъ, что спасъ ее вопреки собственной волѣ, и обрадовалъ бурное ея опчаяніе въ тихую горестъ; но, правда, время помогло мнѣ.

Она умоляла меня сводить ее ко гробу сына; я долго пропивался, долго уклонялся отъ посѣщенія, котораго претовала она именемъ старой нашей дружбы; но мои отрицанія и увѣщанія мои не охлаждали ея намѣренія. Она такъ свыкла съ сею печальною мыслію, что я уже не видѣлъ опасности удовлетворить ея желанію, ибо въ самыхъ жестокихъ горестяхъ есть минуты, въ которыя полезно и утѣшительно все то, что ихъ лишаетъ. Мы вмѣстѣ пошли на кладбище; обливаясь слезами, спала она на колѣни на могильномъ дернѣ; я плакалъ отвернувшись отъ нее.

Это первое посѣщеніе было родъ опыта, который я старался сократить, спрашась даже слишкомъ большую силу душевнымъ порывамъ, съ коими надлежало бороться, чтобы побѣдить ихъ невозвратно. Госпожа Бельмасъ согласилась разстаться съ гробомъ, взявъ съ меня обѣщаніе, что я часомъ буду самъ водить ее къ нему. На другой же день предложилъ я ей возобновить нашу меланхолическую прогулку, которая сдѣлалась для обоихъ насъ ежедневною потребностію. Она доставляла намъ случай проливать вмѣстѣ слезы и соединять некончаемыя съговорянія наши. Сидя у подножія прославаго памятника, освящающаго воспоминанія смерти, мы непрестанно говорили о любезномъ нашемъ Евгеніи, споль ра-

но у насъ похищенномъ, о его качествахъ и его благодарной нѣжности; мать его рассказывала мнѣ о самыхъ мелочныхъ подробностяхъ его дѣйства, а я описывалъ ей регулярный, прудолубивый образъ жизни, которую онъ велъ въ Парижѣ, посреди праздноу разсѣянности своихъ товарищей. Однообразіе этихъ разговоровъ никогда не ослабляло удовольствія, съ какимъ предавались мы имъ, оживляя въ себѣ одни и тѣ же впечатлѣнія.

Въ то время, когда кладбища, подобно какъ нынѣ, не имѣли еще грѣшного, живописнаго вида Англійскихъ садовъ, мы ввели обыкновеніе, которое священики находили безбожнымъ, а философы смѣшнымъ. Мы окружили зеленью, кипарисами и розами тяжелый, холодный камень, воздвигнутый надъ прахомъ друга нашего. Мы каждый день вскапывали гдѣнистую землю, поливали растенія, вырывали худую траву и собирали цвѣты. Намъ казалось, что благовоніе ихъ исходитъ изъ глубины гроба, что краски ихъ оживлены, и увядая, они напоминали намъ, что дыханіе смерти ничего не щадитъ. Жизнь возле гроба, предлагать о немъ тѣ же попеченія, какія предлагала Г-жа Бельмасъ о сынѣ, сдѣлалось для нея сладостною привычкою. Я присоединился къ этимъ священнымъ обрядамъ воспоминанія, и покрывая гробъ цвѣтами, какъ бы спарался похитить у самаго ничтожества все то, что дѣлаешь его мрачнымъ и опвратительнымъ. Но я былъ несказанно огорченъ, замѣчая нерѣдко, что

деревца мои ощипаны и не находя поуипру розъ, оспавленныхъ наканунѣ.

— »Даже для имянинъ жены моей не срѣзаль бы я ни одного изъ эшихъ цвѣтловъ, которые вы пакъ любите,« ошвѣчалъ мнѣ приврашникъ, когда я сказала ему о покражѣ розъ моихъ. Онъ зналъ насъ, какъ постоянныхъ постьипителей его кладбища. Но воръ, продолжалъ онъ, еспѣ не кшо другой, какъ прекрасная дама, которая приходѣтъ сюда прежде васъ. Она въ птраурѣ и плачешъ приходѣ и уходя. Однако молодой баринъ, кажется, не оставилъ вдовы?»

Я просилъ приврашника не подстерегашъ за этой дамой и не безпокоишъ ее, полагая за вѣрное, что она приходѣла для кого нибудь другаго, а не для Евгенія, и чтобъ не огорчишъ этими похищеніями Г-жу Бельмасъ, скрыль опъ нея оборванные и ощипанные сбебли. Однажды я издали завидѣль незнакомку, одѣшую въ черное плашье, и мнѣ показалось, что она спаралась скрышъ опъ меня.

Въ одинъ день, подходя къ памяшнику, я былъ пораженъ прогашельною неожиданностію, увидѣвъ надъ эпишафіею вдѣланную въ камень рамку; въ ней заключался порпирешъ Евгенія, нарисованный съ необыкновеннымъ совершенствомъ и споль разительнаго сходства, что у меня замерло сердце. Г-жа Бельмасъ грустно улыбалась, наслаждаясь моимъ удивленіемъ, соединеннымъ съ преходящею радостію; мы посмошрѣли другъ на друга и задумались.

— »Такъ, это онъ, сказала она: слитая рисунокъ съ своими воспоминаніями, мнѣ кажется, что я вижу его; живописный портретъ не могъ бы лучше передать его меланхолической, привлекательной фizioноміи. Вошь его благородный, скромный взглядъ, его черные, кудрявые волосы; его шонкая пріятная улыбка! Бѣдный нашъ Евгенийъ!»

— »Смѣлосць и вѣрносць этого эскиза обѣщали уже знамениаго живописца,« возразилъ я, дѣлая видъ, будто бы разсмащиваю портретъ только въ художественномъ отношеніи и спрашася возбуждиль чувствительносць Г-жи Бельмасъ. Ты бы лучше сдѣлала, другъ мой, если бы щипательно сохранила его, и не подвергала бы непогодѣ; сверхъ того его могушь похипишь, и тогда это будетъ для насъ новою невозвратною попереку.

— »Неужели ты думаешь, что есть столько безсовѣстные люди, чтообъ осмѣлишь сдѣлать покражу съ гроба? — Нѣтъ, другъ мой, шѣ, которые увидяшь это прелестное лице юноши, еще болѣе пожалѣюшь о его матери и его любовницѣ, если онъ ее имѣлъ; но любовницы скоро упѣшаются, а я буду оплакивать его до шѣхъ поръ, пока не соединюсь съ нимъ. Дай Боже, чтообъ эта минута скорѣе наснала.»

— »Конечно, мы будемъ вмѣстѣ оплакивать его; онъ равно принадлежишь намъ обоимъ; но если ты покинешъ меня, я останусь одинъ въ мірѣ!»

Г-жа Бельмасъ раскаявалась, что забыла

меня, помышляя о томъ, кого уже не было; изъ глазъ ея покапались слезы, и она опустила голову на грудь мою; ибо для дружбы несперпимо предвидѣніе возможной разлуки, и всякое различіе въ лѣтахъ исчезаетъ предъ ея взоромъ. Чшо касается до меня, шю я не спрашивалъ уже, чшо гореситъ сокращитъ дни моего друга; она уже привыкла къ ней и почерпала въ ней родъ наслажденія; проливаемые слезы не оправляютъ, но облегчаютъ.

Поршреть Евгенія служилъ для насъ утѣшительнымъ очарованіемъ. Когда мы приходили на его могилу, намъ казалось, чшо онъ присушесвуешъ при нашихъ работахъ и бесѣдахъ. Всякой день, подходя къ нему, мы мысленно лобызали его, никогда не оставляли его не проспаясь, и всегда общали прійти на другой день.

Въ одно утро мы были чрезвычайно удивлены, увидѣвъ, чшо драгоцѣнный поршреть нашъ былъ украшенъ гирляндой изъ цвѣтовъ, называемыхъ неувядающими. Не зная, кшо повѣсилъ ее шуть, Г-жа Бельмась благодарила меня за сіе эмблематическое приношеніе, и я не хотѣлъ вывести ее изъ заблужденія, не поднявъ завѣсы, покрывавшей сію шайну.

Въ продолженіе времени поршреть исчезъ. Пришедши въ обыкновенный часъ, мы вскрикнули съ негодованіемъ и не прогались съ мѣспа, разсматривая пустоту, оставшуюся послѣ поршрета, оббитый камень и лежащіе на землѣ инструменшы, посредствомъ коихъ рамка была

вынула. Г-жа Бельмасъ пришла въ опчяніе, какъ бы впорично лишилась она сына. Разстроенный, я побѣжалъ къ смопришелю кладбища объявить о неизвѣстномъ ворѣ, нарушившемъ спокойствіе обителіи усоншихъ; еще накануне порпредить былъ невредимъ, сѣдственно похищеніе могло быть сдѣлано не иначе, какъ ночью или упромъ. Я жаловался съ такимъ жаромъ, что приврапникъ, кошорый видѣлъ меня и кланялся мнѣ всякой день, принялъ просьбу мою къ сердцу, и клялся всѣми свяпыми, что онъ откроешь вора, въ особенности потому, говорилъ онъ, что съ его кладбища ничего не пропадаетъ.

Онъ сдержалъ слово, и на другой день оспановилъ меня у дверей, улыбаясь съ видомъ самодовольствія; я съ живостію спросилъ его, не опыскалъ ли онъ порпредета? — Въспо отвѣща онъ сдѣлалъ шаниственную гримасу и ввелъ меня и Г-жу Бельмасъ въ свое жилище, гдѣ была заперта женщина, спаравшаяся скрышь подъ покрываломъ свои рыданія. Я узналъ въ ней ту самую женщину, кошорую повспрѣчалъ близъ гроба и кошорая при появленіи моемъ скрылась, какъ привидѣніе. По спану ея, я принялъ ее за молодую особу, неимѣвшую надобности въ кокешствѣ для обнаруженія своихъ прелестей. Съ перваго взгляда ясно увидѣлъ я, что она принадлежишь къ классу людей, съ состояніемъ кошорыхъ несовмѣсны несправедливыя подозрѣнія приврапника. Она спаралась скрышь подъ

чернымъ покрываломъ лице свое, орошенное слезами, но это не помѣшало мнѣ замѣтить, что она прекрасна; и я сожалѣлъ, что проливъ воли своей поставилъ ее въ такое непріятное положеніе. Я подошелъ къ ней, чтобы извиниться.

— «Это та госпожа, которая украла поршрешъ,» вскричалъ смотрипель съ тою жестокостію, какая свойственна незначительности, имѣющей случай показать свое первенство. Она каждое утро бродить по моему кладбищу, и я не знаю, для кого она приходитъ; она особливо любитъ маленькій памятникъ вашего молодого барина; и я увѣренъ, что она похитила вчерась карпінку, на которую зарилась. Но такъ какъ на моемъ кладбищѣ ничего не пропадаетъ, то я отвѣду ее въ пюрму, если она не возвратитъ то, что взяла у покойника.»

— «Ахъ! сударь, что вы дѣлаете,» сказала она смотрипелю задыхающимся голосомъ: «вы меня губите! Отпустите меня и будьте увѣрены въ моей благодарности.»

— «Успокойтесь, сударыня,» возразилъ я съ учтивостію: «это вѣроятно недоразумѣніе, въ которомъ я прошу васъ извинить меня; не возможно, чтобы такая, какъ вы, особа до того унизилась, чтобы похитить поршрешъ съ гроба; я крайне сожалѣю, что этотъ усердный малой столь грубо ошибся.»

— «Нѣтъ, увѣряю васъ, я не ошибся,» сказалъ привратникъ, преграждая бѣдной незнакомкѣ путь: «именно она каждое утро прихо-

диптъ на мое кладбище; она обрываетъ ваши цвѣтны, и дѣлаетъ изъ нихъ букеты; она-то порпшитъ вашу могилу; она предлагала мнѣ свой кошелекъ, чѣмъ я опниусшилъ ее, но я хочу, чѣмъ она призналась; если жъ не такъ, то полиція развяжешь ей языкъ, къ чести моего кладбища.»

— »Сударыня, если порпрешь у васъ, то опдайте мнѣ его!« вскричала Г-жа Бельмась: »умоляю васъ, онъ для меня неоцѣненъ...«

— »И для меня также!« прошептала незнакомка, воздержавшись опъ невольнаго признанія. »Вы пребуешъ возвращенія порпреша? возьмите лучше все, что я имѣю!«

— »И такъ вы признаешесь, что порпрешь у васъ?« возразилъ я спрогимъ голосомъ. »Мнѣ неизвѣсна причина, побудившая васъ къ поспыднему поступку. По приемамъ вашимъ, показывающимъ опличное званіе и воспитаніе, я не рѣшаюсь заключить, чѣмъ вы были способны къ такой неопняшной злобѣ; не инпересь конечно понудилъ васъ похипить предметъ столь малоцѣнный. — Сударыня, для избѣжанія непріятнаго для васъ дѣла, прошу васъ добровольно опдашь порпрешъ.«

— »Эпо порпрешъ моего Евгенія, единственнаго сына, котораго я лишилась ужаснымъ образомъ!« сказала Г-жа Бельмась умоляющимъ голосомъ: »эпошь порпрешъ, нарисованный имъ самимъ, въ то время, когда онъ разстался со мною навсегда, доставляешь мнѣ

горестное и вмѣстѣ съ тѣмъ сладкое обо-
щенье; если бѣ вы его знали, вы пожалѣли бы о
его мапери!»

— »Я сожалѣю о васъ, сударыня! но я спо-
ко же, какъ и вы, достойна сожалѣнія, даже бо-
лѣе, тѣмъ вы,« оповѣчала она съ чувствомъ: »вы
мапѣ его, а я . . .«

— »Кпо вы, сударыня?« — возразилъ я, сму-
щенный мелькнувшимъ въ умѣ моемъ сомнѣ-
ніемъ: »не спрашиваете докончить.... Неужели
вы для него приходили сюда?«

»Ахъ! для кого же болѣе?« сказала она вздох-
нувъ: »если бѣ я смѣла, сударыня, я пришла бы
къ вамъ плакать вмѣстѣ съ вами,... я буду
онакаивать его всю жизнь мою!...«

— »Я вижу, что вы знали его,« возразила не-
улыбчивая мапѣ. »Ахъ! сударыня, онъ былъ пакой
хорошій другъ, пакой добрый сынъ! У него бы-
ла столько прекрасная душа! Боже мой! Какъ не-
справедлива смерть!

— »Я извиняю васъ, если вы изъ привязанно-
сти къ его памяпи, хотѣли имѣть порпредить
его, сударыня,« сказалъ я, подозрѣвая, что изъ-
явленіями соболѣзнованія, она хочеть избѣг-
нутьъ главнаго вопроса; »но не смотря на то
мы не можемъ предоставить вамъ сего послѣд-
няго воспоминанія о Евгеніи. Затѣмъ не прика-
зали вы снятьъ копіи съ порпреша?«

— »Я это и сдѣлала, сударь; но я боялась
оскорбить деликатность вашу, замѣнивъ ориги-

наль копією, хопя бы вы и ничего о томъ не знали.»

— »Вамъ не удалось бы обмануть мащери,« вскричала Г-жа Бельмась, крѣпко сжавъ руки незнакомки: »не обманывайте меня, сударыня; возвращите мнѣ оригиналь, возвращите его гробу покойнаго; вы будете наслаждаться имъ столько же, какъ я и, быть можетъ, мы вспрѣшимся у памятника.«

— »Сударыня, я не въ силахъ огорчить мащери Евгенія,« отвѣчала она съ чувствительностію, выразившеюся въ ея голосъ: »завтра я возвращу вамъ поршреть, когда получу его отъ живописца, кошорому дала снять копію; могла ли я уѣхать, покинуть гробъ его, не взявъ съ собою его образа, кошорый начертанъ здѣсь. Когда я опкрою вамъ свое имя, то вы не будете беспокоиться о сокровищѣ, кошорое я прошу опсавить у меня до завтра. Онъ конечно говорилъ вамъ когда нибудь о Г-жѣ К..., женѣ главнаго опкупщика? Но я вижу, что вамъ совершенно неизвѣстно это обстоятельство, и считаю долгомъ опкрыться предъ вами. Приходите завтра ко мнѣ, въ домъ мой, въ улицу Сенш-Оноре подъ Но 90, я возвращу вамъ поршреть и покажу другой, болѣе схожій.«

— »Болѣе схожій, это не возможно!« прервала Г-жа Бельмась, пораженная вспрѣчею и недовѣрлившая этимъ обѣщаніямъ; для этого надобно было бы, чтобъ зеркало сохранило черты его! Не правда ли, вы мнѣ его покажете? Надо ду-

мать, что онъ васъ очень любилъ, если вы такъ любите все, что до него касается. «

Она не отвѣчала на сей опредѣлительный вопросъ, сопровождаемый взоромъ, проникающимъ тайну женщины; но она бросилась въ объятія Г-жи Бельмась, которая обняла ее, заливаясь безмолвными слезами. Онъ поняли взаимныя свои объятія и я приписалъ ихъ изліянію раздѣляемой скорби. Старый приврапникъ такъ былъ пронутъ эшимъ зрѣлищемъ, что не препяпствовалъ Г-жѣ К... удалиться. Она убѣжала, не приподнявъ своего покрывала. Я благодарилъ приврапника за оказанную намъ услугу, и спараясь успокоить его на счетъ порптреша, сунуль ему въ руку двойной луидоръ; онъ взялъ его, повпоряя, что на его кладбищѣ ничто не пропадаетъ.

На другой день мы явились къ назначенному намъ свиданію; Г-жа Бельмась горѣла неперптъніемъ получить обратню порптрешъ и увидѣшь попъ порптрешъ, который ей сполько расхваляли. Насъ уже ожидали въ домѣ Г-жи К.... Я съ удивленіемъ увидѣлъ на дворѣ запряженную и нагруженную кладью дорожную карету.

Прежде нежели мы успѣли сказать кто мы, насъ ввели въ богашую залу и просили подождать, пока Г-жа К... кончитъ припгопвления свои къ опътзду. Г-жа Бельмась, вспревоженная симъ замедленіемъ исполненія ея желаній, прислушивалась къ лошадиному попопу на мостовой и шрепешала, не забыли ли о ней! Въ ожиданіи я

пробѣгалъ взорами картины, украшавшія пышный покой и былъ пораженъ изображеніемъ прекрасной женской головы, копорую, помнилось мнѣ, я гдѣ-то видѣлъ, но не могъ придумать чья бы была она, какъ внезапно воспоминанія мои прояснились, когда я разсматривалъ раму, копорая не могла скрыть варварскаго искаженія. Эта голова была вырѣзана изъ картины большаго размѣра.

— »Эта Венера Евгеніевой картины!« воскликнулъ я, подбѣгая, чпобъ точнѣе удостовѣриться. Такъ, я узнаю ее, но какъ это случилось, чпо она опрѣзана? — Я бы очень желалъ, чпобъ содѣшелъ этого злодѣйства могъ слышать меня; варваръ шолько или личный врагъ въ состояніи уничтожить геніальное произведеніе!

— »Такъ, конечно врагъ, вы опгадали,« возразила молодая женщина, копорая вошла, не бывъ нами замѣчена, въ то время, какъ я, пораженный удивленіемъ, показывалъ Г-жѣ Бельмасъ, чпто сдѣлано ножницами съ картиною сына ея. — »Эта картина,« продолжала вошедшая дама, была куплена моимъ мужемъ; онъ сохранилъ шолько эту голову, какъ памятникъ его мщенія и моего несчастія... Позвольте мнѣ прежде всего возвратить драгоцѣнный порптретъ, взяшый мною на время съ его гроба.«

Г-жа К..., копорую я узналъ по ея благородной поступи и по пріятности, опражавшейся во всѣхъ ея пріемахъ, была дѣйствительно

Венера, изображенная Евгеніемъ. Она посадила возлѣ себя Г-жу Бельмасъ, изъявляя ей дѣтскую нѣжность, кошорую сія послѣдняя принимала съ материнскою благодарностію.

Когда мы всѣ шрое переслали плакать, Г-жа К... поспепенно разсказала намъ исторію своихъ опношеній съ Евгеніемъ и несчастной карпины, бывшей причиною смерти живописца; но въ семь мѣспѣ ея разсказа рыданія прервали слова ея. Казалось, что она силилсь скрыть нѣчто ужасное.

— «Я осмѣливаюсь назвать васъ моею любезною машерью,» сказала она, вслушиваясь въ происходившій внизу шумъ: «со временемъ, вы узнаете оспальное, узнаете причину смертельной моей ненависти къ Г-ну К. . . ! Я сей часъ ѣду, подвергаясь ссылкѣ для счастья единственнаго сущеспва, привязывающаго меня къ жизни. Я обѣщала вамъ самый схожій портретъ моего Евгенія. Поди сюда, сынъ мой, поди обняшь машь опца пвого !!»

При этихъ словахъ, необыкновенный румянецъ покрывъ блѣдное, какъ мраморъ, лице ея; и она, воодушевленная чувствомъ гордости, побѣждала въ бывший подлѣ залы покой и вывела опшуда двухъ-лѣпняго ребенка, прелестнаго, румянаго, съ улыбкою на устахъ; она посадила его на колѣна Г-жи Бельмасъ, кошорая вмѣспѣ и плакала и смѣялась, считая все происходившее сновидѣніемъ. Это былъ живой портретъ нашего Евгенія! Мы осыпали его поцѣлуями,

упомняли ласками; онъ возбуждалъ въ насъ зависть другъ къ другу. Г-жа К... съ наслажденіемъ смотрѣла на насъ; и ребенокъ, казалось, чувствовалъ эти изліянія нѣжности, впервые имъ получаемыя.

Но во время сихъ взаимныхъ душевныхъ восторговъ раздался грубый, звѣрскій голосъ вмѣстѣ съ ударомъ бича. Г-жа К. въ испугѣ схватила на руки дитя и поспѣшила выйти, не просясь съ нами. Чрезъ минуту кареша проѣхала подъ ворошамъ, и слуга пришелъ сказать намъ, что Г-жа К. уѣхала въ свои помѣстья, въ Бретани.

.

Въ продолженіе шести лѣтъ мы часто о ней думали, но не имѣли надежды съ нею увидѣться, какъ въ одно утро мы нашли ее съ сыномъ, споящую на кофняхъ у гробницы Евгенія Бельмаса. Она еще носила шрауръ по своему возлюбленному, со дня кончины своего мужа.

Съ Франц. М. Медвѣжинъ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЗГЛЯДЪ НА АНГЛІЙСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ.

Англійскій языкъ образовался изъ двухъ элементарныхъ — Германскаго и Французскаго: сии же самые элементы находились и въ первоначальной литературѣ его. Элементъ Германскій представляютъ древнія баллады и военныя пѣсни Саксовъ; элементъ Французскій — романы, эпическія поэмы, старинныя сказки и священные легенды: все это перешло съ Норманнами и сдѣлалось предметомъ подражанія стихотворцевъ Англо-Норманскихъ. Баллады поэтовъ, жившихъ на границахъ Англіи и Шотландіи, являются неранѣе, какъ подъ конецъ XVI вѣка: поэты горные пѣли и не писали. Напротивъ памятники литературы Англійской существуютъ уже съ XIII вѣка: они одолжены бытіемъ своимъ вліянію континента, и въ началѣ были не что иное, какъ одни только копіи или переводы. Англійскій языкъ довольно долго запаздывалъ за опоздавшее свое образованіе въ ряду прочихъ языковъ: ибо между тѣмъ какъ онъ едва только начиналъ образовываться, укрываясь въ хижинѣ Сакса, старшій изъ братьевъ его гремѣлъ уже поэтическою славою при дворѣ Гогенштауфеновъ; *Нибелунги* и *Гельденбухъ* уже исчерпали источникъ сѣверныхъ преданій. Поэты Французскіе воспѣвали подвиги Карла

Великаго, Короля Аршура, и Крутлый столъ, отнимая у будущихъ менестрелей предметъ національный и предославляя имъ жалкій жребій, ишши по слѣдамъ поэтовъ болѣе великихъ. Хроника Роберта Глочестерскаго, написанная списками, въ царствованіе Эдуарда I, есть одно изъ немногихъ Англійскихъ сочиненій, неперечерпнутыхъ изъ источника Романистовъ Французскихъ; но она не имѣетъ ни малѣйшаго достоинства.

Шотландія представляетъ намъ первую національную поэму довольно значительную; это *Робертъ Брюсъ* Джона Барбура (ум. 1396). Даже и теперь еще Шотландскій крестьянинъ съ удовольствіемъ читаетъ сію преимущественно національную поэму, въ которой прославляется любимый Король его и восхваляется слава его отечества на счетъ Англіи. Впрочемъ сія послѣдняя имѣла уже и своихъ современныхъ писателей. Паспоръ Робертъ Лонгланъ, подъ именемъ Піерса Плурмана, забавлялъ своихъ современниковъ *Видѣніями*, которыми онъ каралъ пороки своихъ духовныхъ собратій. Джонъ Говеръ (ум. 1402), въ царствованіе Ричарда II, проповѣдывалъ нравственность списками Латинскими и Англійскими; наконецъ Чосеръ, (1328, — 1400) почтенный громкимъ шипломъ *утренней звѣзды*, умѣлъ заслужить любовь Норманцевъ и Саксовъ своими *Canterbury-Tales*, облакая Французскую поэзію своего времени въ одежду Англійскую. Языкъ, публично обнародо-

ванный указомъ Эдуарда III, языкомъ національнымъ, получилъ отъ него либературное до-
стоинство. Послѣ него, въ продолженіе всего
XV вѣка, спилъ языка искажался болѣе и болѣе,
но духъ поэтическій бодрствовалъ. Заключен-
ный въ балладахъ и пѣсняхъ менеспрелей, онъ,
такъ сказать, наигрывалъ прелюдію предъ тор-
жественными аккордами XVI вѣка. Генрихъ Слѣ-
пецъ (Blind Harry) освятилъ воспоминаніе Вал-
ласа; Вилліамъ Дюнбаръ (1465—1530), въ сво-
ихъ аллегоріяхъ, исполненныхъ жаромъ, жизнію
и воображеніемъ (the Thistle and the Rose; the
gold in serge), предавался съ непреодолимою си-
лою умственнымъ наслажденіямъ и торжествамъ
двора Іакова IV.

Театръ едва успѣвалъ идти по слѣдамъ
мистерій и фарсовъ Французскихъ; до самаго
Эдуарда VI театральныя пьесы, такъ называе-
мыя *Нравоученія* (moralités) не представляли
ничего замѣчательнаго. Проза находилась въ со-
стояніи не менѣе жалкомъ. Джонъ Мандевилъ
описывалъ свое путешествіе на Востокъ на
языкахъ Латинскомъ, Французскомъ и Англій-
скомъ. Эпопѣя памятникъ любопытный для
Исторіи Географіи, но вовсе не значительный въ
отношеніи историческомъ; между тѣмъ во Фран-
ціи въ сіе время Комминъ писалъ превосходныя
свои Записки (Mémoires). Съ сей-то степени
посредственности началось возрожденіе Англій-
ской либературы. Энтузіазмъ къ изученію
классиковъ былъ неимоверный: еще въ царство-

ваніе Генриха VIII, Кардиналь Вольсей открылъ въ Оксфордѣ кафедру Греческаго языка. Еразмъ Роттердамскій, не смотря на проповѣдѣніе духовныхъ, имѣлъ нѣкоторое вліяніе на сей Университетъ. Канцлеръ Сиръ Томасъ Муръ писалъ Латинью чистою и энергическою; Эдуардъ VI занимался древними классиками; сама Елисавета свободно объяснялась на Латинскомъ языкѣ. Многочисленные переводы служащъ доказательствомъ ревности ученыхъ; впрочемъ древній міръ, имѣлъ совсѣмъ другое вліяніе въ Англіи, нежели какое во Франціи, гдѣ духъ съ нѣкоторымъ рабствомъ приковывался къ образцамъ Греческимъ и Римскимъ. Средній вѣкъ былъ существеннымъ производителемъ во Франціи; можно сказать, что истощенный геній національности принялъ съ благодарностію классическую пишу и подкрѣпилъ ею свои изнуренныя силы. Напротивъ разцвѣтавшая, весенняя жизнь на островѣ Британскомъ была во всей своей силѣ: природный элементъ поэтическій вступилъ въ борьбу съ классицизмомъ и заимствовалъ отъ него однѣ только болѣе почныя формы языка и мифологическія аллегоріи. Что касается до сихъ послѣднихъ, то все было написано ими: прозаическія и стихотворныя произведенія, театральныя пьесы, праздники двора. Греческіе боги представляли аллегоріи во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только хотѣли изобразить славу Королевы Елисаветы; Греческіе храмы принимали ее подъ сѣнь свою во время ея прогу-

— 7 —

ложь; Римскіе Пенаты встрѣчали ее при вратахъ каждаго зданія; пажы, переодѣтые въ Дріадъ, бѣгали по рощамъ; Трипоны и Нереиды прохлаждались въ бассейнахъ парковъ. Но не смотря на то Эльфы и Феи среднихъ вѣковъ жили въ ладу съ поддѣльными богами язычества. Сей несоединимый прудъ XVI вѣка повпоряеишь въ лицѣ Спенсера и Шекспира. Прежде нежели перейдемъ къ Спенсеру, ученику Аріоса, но ученику независимому, упомянемъ о подражателяхъ Пешпарки и подражателяхъ иногда неудачныхъ, каковы, наприм. Говардъ, Графъ Суррей, Сиръ Томасъ Уайтъ, и о безусильныхъ опытахъ Филиппа Сиднея (1554 — 1586), который спарался въ своей *Аркадіи* найти средину между требованіями классицизма и романпизма. Чпобы понять Шекспира, надобно припомнить его предшественниковъ, каковы напри.: Епископъ Джонъ Боле, Преспонъ, Эдвардъ, Лилло, Кидъ, Гасконъ, Марлоу. Эпопъ многочисленный рядъ писателей съ прудомъ могъ удовлетворить спросу къ шеатру, овладѣвшей дворомъ и народомъ со времени Генриха VIII. Реформа въ Англіи не имѣла того вреднаго для шеатра вліянія, которое она произвела въ Германіи, гдѣ въ продолженіе двухъ вѣковъ не было національнаго шеатра. Епископальная Церковь не подражала непомѣрной строгости Кальвинистовъ и Лютеранъ: она предоставила міръ съ его удовольствіями собственному его теченію, лишь только бы не касались религіозныхъ ея догматовъ.

Нравоученія потеряли свою занимательность, но публика, жадная, подобно Испанцамъ, до разнообразныхъ сценъ, извлеченныхъ изъ собственной Истории, убива при первомъ появленіи нѣкоторыя безплодные опыты, спаравшіеся поддерживать на сценѣ шоржество классицизма. Путь проложенъ: нужно было явиться только Шекспиру (1564 — 1616). Онъ отгадалъ вкусъ своей націи; дворъ не хотѣлъ имѣть вліянія на театръ, и Шекспиръ выступилъ въ первый разъ на сцену съ своими историческими пьесами, въ которыхъ Англія XV вѣка отразилась въ полномъ, живомъ, дѣйствительномъ образѣ. Поэтъ, независимый въ своихъ твореніяхъ драматическихъ, избралъ для своихъ лирическихъ спихотвореній образцемъ Спенсера. И дѣйствительно Спенсеръ (1510-1596) образецъ изящества и вкуса; исключая Шекспира, можетъ быть, ничто столько не прославило царствованія Елисаветы, какъ его рыцарская поэма, въ которой онъ изобразилъ ее богиней подъ покровомъ аллегоріи (The fairy Queen.) Сіе произведеніе не имѣло подражателей, между тѣмъ какъ по слѣдамъ Шекспира идутъ многіе; такъ напр: Бенъ Джонсонъ, мнимый соперникъ его, два друга Бомонтъ и Флешчеръ, превосходившіе перваго, Мессингеръ, Чапманъ, Гейвудъ, Ровлей: многочисленными произведеніями своими и довольно замѣчательными талантами они спарались удовлетворить господствовавшему расположенію публики къ пьесамъ романтическимъ.

Въ блистательное царствованіе Елисаветы весьма много образовались Сапира и Эклога: первая въ произведеніяхъ Джона Дуне и Иосифа Гелла; вторая въ безчисленныхъ смѣлыхъ подражателяхъ Спенсеру или Сиднею; изъ сей формы сочиненій дѣлали чрезвычайныя злоупотребленія. — Поэма описательная получила свое начало въ *Polyolbion* Мичеля Драйтона, въ *Пурпуроволь островъ* Финеаса Флетчера; Поэзія лирическая нашла чрезвычайно многихъ любителей, между коими Сиръ Вальтеръ Ралейгъ занимаетъ первое мѣсто: онъ пріобрѣлъ своими стихами славу, которой не домогался, и за которую не заплачивъ, какъ за славу воинскую, своею собственною жизнью.

Проза пошла путемъ болѣе рѣшительнымъ. Тотъ же Сиръ В. Ралейгъ пишетъ Всеобщую Исторію; Баконъ, Аристотель XVII вѣка, основатель Опытной Философіи, первый записывающій на народномъ языкѣ нѣкоторыя изъ своихъ философскихъ размышленій; краснорѣчіе Парламентское въ первый разъ получаетъ свободу. Это одинъ изъ самыхъ блистательныхъ результатовъ реформы. Члены Парламента поспѣшь заговорили о свободѣ Церкви; осюда оспивался одинъ только шагъ къ разсужденію о независимости національной, и эшотъ шагъ сдѣлалъ Пешръ Веншвортъ: во время засѣданія 1576 года онъ говоритъ достопамятную рѣчь о началѣ и границахъ Королевской власти. Съ сего времени Парламентъ получилъ достоинство собранія совѣщательнаго.

Рѣчи его, первые опыты краснорѣчія, приспособленнаго къ дѣламъ политическимъ, не составляють еще произведеній липературныхъ; впрочемъ замѣтно уже вліяніе Греческихъ и Римскихъ Ораторовъ, бывшихъ предметомъ подражанія.

Съ XVII вѣка стремленіе обнаруживается въ нѣкоторыхъ оспраяхъ липературы къ изученію формы; сія эпоха составляетъ переходъ къ вѣку Королевы Анны; представившими ея были Валлеръ и Ковлей. Первый (1605-1657), чело- вѣкъ придворный и преимущественно свѣтскій, имѣлъ единственную цѣлю свою, нравився публикѣ изящесвомъ своего слога, тонкостію вкуса и игривостію своихъ мыслей: это былъ Поэтъ хорошаго общества, возвысившій до возможнаго идеала будуарную поэзію. Второй (1618-1667) расширилъ область лирической поэзіи энергіею своего спія и философскимъ духомъ, оживлявшимъ его стихотворенія. Его опыты эпическій (Давида) не имѣлъ успѣха; слава, сошво- ривъ эпопею для своего опечесства, была пред- оставлена современнику Ковлея, Мильтону, изоб- разившему возмущеніе, произведенное пуританами и революціонерами, возмущеніе, зараждав- шееся уже въ царствованіе Іакова I и наконецъ разразившееся при его сынѣ. Истинно эпическая часть *Потеряннаго Рая* есть безъ сомнѣнія испор- ріа адскихъ демоновъ, возмущеніе и низверже- ніе ихъ. Въ частяхъ догматическихъ оскрыто является Хрисіанитъ - догматикъ и спрогій Пресбишеріанитъ.

Въ *Hudibras* Бютлера (1612-1673) обнаруживается проповѣдѣніе республиканскому пуританизму: это есть не что иное, какъ война, объявленная религіозному и политическому фанатизму, забавная сапирна на парламентскихъ Донъ-Кихотовъ. Посему Бютлеръ не сдѣлался придворнымъ Карла II. Въ другихъ сапирнахъ своихъ онъ, какъ честный человѣкъ, негодуешь на соблазнительное легкомысліе сего возстановленнаго Двора, котораго правила, дышашія чувственностію, приведены въ философскую систему Гоббесомъ.

Со смертію Карла II начинается владычество Французской школы, которая не только заставляешь рабски подражать образцамъ своимъ, но и слѣдовать началамъ своей критики. Драйденъ (1631 - 1701), основатель собственной критики Англійской, болѣе любитъ правила оприцательныя, не позволяющія таланту блуждать на распутіи ложнаго вкуса, нежели творить новую піишку. Поэтъ сего времени опличается стилемъ тонкимъ и разборчивымъ вкусомъ; вышнее изящество (*élégance*) и умъ брали перевѣсъ надъ воображеніемъ и чувствомъ въ лирическихъ и дидактическихъ произведеніяхъ. Въ царствованіе Королевы Анны разговорный слогъ болѣе и болѣе освобождался отъ старинныхъ тяжелыхъ и запутанныхъ формъ своихъ; въ то же время обнаружилось явное отвращеніе къ соблазнительнымъ нравамъ, заражавшимъ Дворъ Карла II. Языкъ благоприличія считался языкомъ общества въ прозѣ писателей: Стиль и

Аддисонъ, издатели первыхъ лисшковъ періодическихъ, исключительно посвятившіе себя лиспературѣ, были самымъ вѣрнымъ выраженіемъ новаго очищеннаго и легкаго слога.

Попе соснавляется вершину школы, если можно сказать, *стильной*, шакъ какъ Шекспиръ главу школы романтической. Попе слѣдоваль нулемъ, проложеннымъ Драйденомъ, но слѣдоваль съ умомъ болѣе философскимъ. Всѣ основныя черпы Поэзіи онъ заимсывоваль изъ своего вѣка. Англійская публика любишь нравсвенныя размышленія и сапиру: Попе разсынасть ихъ щедрою рукою; онъ, шакъ сказашь, распускаешь систему Шефшесбюри и Бодиброка въ своемъ *Опытъ о человекѣ*; сосредоточиваешь всѣ эстетическія, или лучше сказашь, риторическія понятія своего времени въ своемъ *Опытъ о Критикѣ*; играетъ остроуміемъ въ своей *Оторванной буклѣ*, и обновляетъ Гомера въ блестящемъ, но невѣрномъ переводѣ. Томсонъ, Авторъ *Временъ года*, нѣкоторымъ образомъ принадлежашь къ школѣ Драйдена; онъ по же въ поэзіи описательной, что Попе въ дидактической.

Одна шолько вѣшь липературы сохранила свою самобытность и принадлежашь болышею частію своихъ произведеній къ древней школѣ: это сочиненія драматическія. Причина сего очень проспа. Нѣшь ничего легче какъ возвысиль какое нибудь липературное произведение въ дружеской бесѣдѣ; но ни какъ нельзя связать рукъ публики, плещущей шому, что нра-

вишея ея вкусу. Англійская же нація со времени Шекспира имѣла театр національный, оиъ котораго не хотѣла отказатьсь. Правда, по системѣ соглашенія, иногда допускали и піесы, скроенныя по фасону Греческому или Французскому; Виги, сдѣлавшіе побѣдищеями со времени Вильгельма III, рукоплескали даже либеральнымъ стихамъ Катона Аддисонова; но никогда не подвергались подъ иго классицизма. Спрогій Драйденъ, какъ Авторъ Драмагическій, жертвуетъ собою господствующему вкусу публики. Подъ конецъ XVIII вѣка Трагедія прекратилась съ знаменитыми именами Ошвелъ, Ли, Роуа, и обратилась вмѣстѣ съ Лилагомъ въ пассивую сельскую драму. Комедія со времени Шекспира, всегда была предметомъ занятія плодовитыхъ Авторовъ, и при Карлѣ II развилась съ ужасною волюнстію. Послѣ революціи она потеряла свою комическую силу и содѣлалась болѣе нравственной. Она никогда не находила своего Мольера, который бы соединилъ въ ней громкій хохотъ съ законами высшей Комедіи. Фаркуеръ, Эшпереджъ, Герцогъ Буккингамъ, Вейчерлей, Конгревъ, и двѣ дамы, Афра Бенъ и Сусанна Сентилверъ, принадлежатъ къ категоріи авторовъ неблагоприснойныхъ; Ванбрутъ и Сибберъ скромнѣе своихъ шоварисей. Опера долго не могла укорениться въ Лондонѣ; одно только произведеніе фабулиста Гея, Опера Нищихъ (beggar's opera), имѣла успѣхъ національный.

Іонасъ Свифтъ, глава Торіевъ, живущій

внѣ всякаго дружескаго общества, презирая все существующее. Онѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ недовольныхъ головъ, тѣхъ великихъ мизантроповъ, которые изъ любви ко благу живущъ въ посполннѣй прошивоположенности съ своимъ вѣкомъ. Сапирическіе романы Свифта наполнены проповѣдническими жалобами на свое время и глубокое развращеніе человѣческой природы. Впрочемъ, по числотѣ и легкости спилля, Свифтъ не унижаетъ своего вѣка.

Проза историческая развивалась не такъ быспро: одно сочиненіе, Современная Исторія Бурнета, напоминаетъ нѣсколько Геродопа. Бекеръ, Тиррель, Егардъ приготавливаютъ полезныя матеріалы для своихъ преемниковъ. Томасъ Спрантъ (+ 1713), Біографъ Поэта Ковлея, и Авторъ Истории Королевской Академіи Наукъ, основанной въ Лондонѣ Карломъ II, имѣетъ нѣкоторое достоинство, Философія все еще укрывается подъ великими именами Локка, Кудворта, Гупчесона, идеалиста Беркедея, Лорда Бодинброка и Шептесбюри. Съ тѣхъ поръ, какъ начали печаталъ рѣчи Членовъ Парламентша, важность сего судебногомѣста увеличилась. Робертъ Вальполь, Министръ Георга II, и прошивники его Пульшней, Чиппенъ, Бернардъ, Графъ Чесперфильдъ, Графъ Гардвикъ оплачиваются въ Парламентѣ и служатъ образцемъ юному Вилліаму Пиппу, въ послѣдствіи Лорду Чапаму. Краснорѣчіе Церковное, болѣе и болѣе принимавшее тонъ благородный, но спокойный и чуждый орапорскихъ

движеній, произвело Тиллотсона и Шерлокка.— Литературная крипика еще не основывалась на философской теоріи. Одни из прошивниковъ Драйдена, Реймеръ, крипикъ болѣе извѣстный по учености, обнаруживаетъ одно только свое приспращіе и невѣжество въ дѣлѣ вкуса. Колліеръ возмущается на безнравственность пьесъ; Деннисъ, гордясь именемъ Зоила, перелетѣлъ въ неумѣстныхъ нападкахъ на Поле; Шеффебюри, подрывъ сначала теорію изыскаго, старается изъяснить ее изъ началъ нравственности; прекрасное и доброе, по его мнѣнію, суть понятія однозначительныя; Спилъ и Аддисонъ стараются приложить сіи основанія въ своихъ періодическихъ изданіяхъ (The Spectator и пр.). Джонсонъ, лучший крипикъ своего времени, не выпускаетъ изъ круга сихъ преданій и старается передать ихъ слѣдующему поколѣнію.

Впрочемъ во второй половинѣ XVIII вѣка сіи исключительныя теоріи золотого вѣка (такъ обыкновенно называли вѣкъ Королевы Анны) начали уступать мѣсто вкусу нѣсколько отличному отъ прежняго. Довольно монопоныя звуки классической лиры уже не раздавались такъ громко; поэмы, болѣе юныя, объявили себя защитниками воображенія, убиваго крипикою, требовавшаго сначала ошдѣлки, потомъ изобрѣженія. Душа, вытѣсненная умомъ изъ правъ своихъ, наконецъ опять вступила въ оныя; національная гордость, естественно напыщенная семилѣтнею войною, не хотѣла снести того,

чтобы вновь приобрѣтенная слава Англіи была одолжена умышленному вліянію страны, успу-
павшей ей на сушь и на морѣ. Французская кри-
птика спаралась начерпнуть границы подражанію
природѣ: это подало Англичанамъ новый поводъ,
требовать сего подражанія съ большею безу-
словностію. Отъ сего подражанія природѣ пере-
шли къ первому любимому предмету своему,
элементу Германскому; нравы, уже непричаст-
ные болѣе необузданности послѣдняго вѣка, очи-
щались болѣе и болѣе: все руководствовало къ
счастію домашней жизни и удовольствіямъ сель-
скимъ. Чувствительность, истинная или пере-
родившаяся въ сентиментальность, распростра-
нилась во всѣхъ произведеніяхъ поэтическихъ.
Это было прекрасное время для Романа, изоб-
рѣшеннаго Ричардсономъ, или лучше сказано для
Романа, который онъ считалъ, по своему харак-
теру, любезнымъ, нѣжнымъ, такимъ, какой только
можно сосланивъ изъ мирной сельской жиз-
ни. Ричардсонъ схватилъ только важныя чер-
ты сей жизни; Фильдингъ открылъ въ ней спо-
рону комическую, и можетъ быть, по духу рев-
ности, ибо «авры Милціада претяпствовали
спать Оемистоклу.» Спернь заключаетъ собою
пріумвирашъ великихъ Романистовъ. Авторъ *Сен-
тиментальнаго путешествія*, преимущественно
чувствительный, но чувствительный иначе, нежели
Ричардсонъ. Спернь есть представивель сопро-
ренного Шекспиромъ *гомера*, этого спранныго смѣ-
шаннаго чувствованія, при которомъ проливаетъ

слезы и улыбаешься. Въ его *Тристрамъ Шанди* элементарный комическій преобладаетъ надъ чувствительностію, но въ *Сентиментальномъ путешествіи* напрошивъ. Приемы Стерна шакъ индивидуальны, что ни одинъ изъ подражателей его не имѣлъ успѣха. Фильдингъ имѣлъ болѣе счастливыхъ подражателей, какъ напр. Смоллена, Авшора *Roderick Random* и *Peregrine Pickle*. Смолленъ весьма искусный живописецъ Фламандской школы: онъ удачно изображаетъ комическія подробности жизни, не взирая на нее съ высшей точки зрѣнія Стерна. За Ричардсономъ послѣдовалъ Оливьеръ Гольдсмитъ, авторъ Романа, копорый, по благородной простотѣ спия, соединенной съ большимъ драматическимъ инпересомъ, сдѣлался произведеніемъ элементарнымъ, и приобрѣлъ ему славу гениальнаго писателя. Гольдсмитъ извѣстенъ шакже и по описательной Поэмѣ (*Оставленная деревня*), копорая со времянъ Томсона пользуется большимъ уваженіемъ. Но гораздо большее число авторовъ занималось дидактическимъ родомъ, потому что онъ болѣе соотвѣтствовалъ распространенной въ Англіи потребности, соединять съ пріятнымъ полезное. Это значить унижать достоинство поэзіи, копорая не обязана исправлять должность капехизиса. — Но какъ бы то ни было, среди именъ Дейера, Акенсиды, Армстронга, Масона, Дарвина, Гайлея, имя Юнга всегда оспанется именемъ гениа. По первымъ своимъ сочиненіямъ онъ принадлежитъ еще къ вѣку Ко-

ролевы Аппы; но послѣднее оплитное произведе-
ніе зрѣлыхъ лѣтъ его, по своей оригинальности,
даешъ ему право спать даже на ряду съ неза-
висимыми писателями. *Ногныя размышленія*
его, истинная Поэма Картезіанца, предспа-
вляетъ одинъ только мрачный небосклонъ, разсѣ-
каемый молніею высокихъ мыслей его.

Лирическая Поэзія въпорой половины XVIII
вѣка опзывается также пономъ элегическимъ.
Въ одахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ Пріо-
ра и множества другихъ писателей предшество-
вавшей эпохи едва замѣтно нѣкоторое біеніе
поэпической жизни. Совсѣмъ пропивное нахо-
димъ мы въ сочиненіяхъ Геммонда, Шенстона,
Грея, Коллинса, Брюса, Бишпи; Персей въ сво-
ихъ сочиненіяхъ напоминаетъ даже древнія наив-
ныя пѣсни и древнюю балладу, гдѣ слогъ играешъ
роль въпороспепенную. Одна только ода не из-
мѣнила прежняго тона своего: она оспалась вър-
нымъ опголоскомъ Пиндара. Акенсидъ и увѣн-
чанные поэпы служашъ представителами сего
поржественнаго рода сочиненій.

(Окончаніе въпредъ.)

III.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

Г И З О.

Гизо (François Guizot) родился 4-го Октября 1787 года, въ Нимѣ, Протестантъ, и со времени Июльской революціи снискалъ знаменитость между Публицистами Франціи. Въ Министерство Деказа занималъ онъ должность Помощника Спашсъ-Секретаря Внутреннихъ дѣлъ; въ Августѣ 1830 года сдѣланъ Министромъ, но вскорѣ долженъ былъ оставить сію должность, а съ Октября 1832 года снова занимаетъ оную. Какъ глава пакъ называемыхъ Доктринеровъ, онъ подвергается жестокимъ нападеніямъ со стороны оппозиціонныхъ Журналовъ, какъ въ 1820 году возставалъ на сію партію Journal des Débats (*).

(*) Въ 1822 и въ слѣдующихъ годахъ, подъ именемъ Доктринеровъ разумѣли людей, которые хотѣли примирить Монархію съ Демократіею, которые были независимыми и неподкупными друзьями Правительства. Въ Палатѣ Депутатовъ принадлежали они къ лѣвому центру. Главою ихъ былъ тогда Ройе-Колларъ; сверхъ Гизо, причисляли къ партіи Доктринеровъ: Барантъ, Терно, Бенжамена Делессера, Себастіани, Дево, Аббата Луи, Сенсъ-Олера, Ганцля, Лакроа-Фенвиля, Гипшара, Бенью и другихъ. Рѣчи Ройе-Коллара и друзей его отличались рѣзкою диалектикою и нѣкотораго рода учинельскимъ тономъ, посему

Нынѣшніе прошивники Доктринеровъ соединяють съ этимъ наименованіемъ понятіе, должнсльвующее сдѣлать ненавистнымъ и презрительнымъ, или вовсе ниспровергнути все Минисперство 11 Октябръ 1832, къ коему принадлежиъ Гизо, какъ Министръ Народнаго Просвѣщенія. Gazette de France называетъ Доктринеровъ людьми, хитро вкравшимися въ средину между началами роялизма и демократизма, для того, чѣобы составить систему правленія, которая заключала бы въ себѣ по нѣскольку и шѣхъ и другихъ началъ, не будучи ни шѣмъ, ни другимъ. По увѣренію газеты: Courrier Français, парціа Доктринеровъ начала свои интриги еще во время эмиграціи и продолжала интриговать съ различнымъ успѣхомъ во все существованіе Конвенца, Директоріи, Консульства и Имперіи; по возстановленіи Бурбоновъ она пала, послѣ умерщвленія Герцога Беррійскаго, однако избѣжала размолвки съ анши-либеральною парціею, пока имѣла надежду снова получить власть; но когда въ 1827 г. (при Виллелевомъ Минисперствѣ) лишилась всякой возможности пріобрѣсти владычество, то и опложаилась рѣшительно опъ Правительсва. Журналъ Constitutionnel изображаетъ Доктринера прикрывающимъ частныя выгоды парціи — которую лож-

оспроумный Эпленинъ, который былъ тогда Редакторомъ газеты: le Constitutionnel, далъ имъ названіе: Messieurs de la Doctrine.

но называешь всю Францію — заѣсою общественныхъ выгодъ и громкими метафизическими и піеоретическими умствованіями, и коего главное орудіе заключается въ измѣнѣ и непостоянствѣ. Излишняя плодовитость въ рѣчахъ была всегдашней слабостію Доктринеровъ, и потому они подали оружіе на себя болѣе своими словами, нежели поступками; но главный недоспашокъ этой партіи состоялъ въ томъ, что, собственно говоря, она не есть партія. Journal de Commerce замѣчаетъ, что названіе Доктринеровъ выдуманно въ 1816 году Журналомъ Преній, теперь постоянно защищающимъ людей, на которыхъ нападаютъ подъ этимъ наименованіемъ. Нынѣшнее несчастіе Доктринеровъ сослავляетъ то, что они вышли изъ моды. — Наконецъ почти всѣ оппозиціонные журналы упрекаютъ Доктринеровъ въ томъ, что не они произвели Іюльскую революцію, но овладѣли дѣйствіями и слѣдствіями оной, спаралсъ мало по малу понятіе о народной власпи замѣнили понятіемъ о законности; ибо Гизо самъ хотѣлъ установленную народомъ Королевскую власпъ выставить какъ бы законною (quasi-légitime), утверждая, что Людовикъ-Филиппъ избранъ между прочимъ и потому, что онъ изъ дома Бурбоновъ (*). Если

(*) На это Дюпенъ возразилъ извѣстнымъ: *Хотя!* (Quoique Bourbon). Онъ того-то Журналъ Constitutіонnel, послѣ 11 Октябрю 1832 г., сказалъ: При сославленіи новаго Министерства, потому что взяло верхъ надъ *хотя*.

заключатъ о Гизо по началамъ, которыхъ онъ изложилъ въ своихъ сочиненіяхъ, то онъ приверженецъ Монархическаго правленія и свободы по убѣжденію. Такой Историкъ, каковъ Гизо, никакимъ образомъ не можетъ считаться Францію и Парижъ способными сдѣлаться метрополіею Европейской республики; но столь же мало найдуть въ немъ сообщника и содѣйствователя усилю возвратиться къ прежнему феодализму. Онъ разсудительнъ, твердъ и умѣренъ въ своихъ понятіяхъ: на орапорской трибунѣ онъ вышій искусный и опытный; очень не многіе могутъ сравниться съ нимъ ясностію, порядкомъ и основательностію въ развитіи своихъ мнѣній. Ожесточеніе его противниковъ происходитъ отъ признанія, что они не въ состояніи опровергнуть его. Всѣ упреки, которыми осыпающъ его объ противоположныя парвіи, состоятъ въ томъ, что, слѣдуя своимъ правиламъ и урокамъ опытности, онъ равно удаляется отъ всякихъ крайностей въ теоріи и поступкахъ. Во время Виллелева управленія Министерствомъ, до 1830 года, постоянно сопротивлялся онъ конспир-революціи и всякому усилю, стремившемуся къ посредственному или непосредственному, къ скрытному или явному возвращенію къ порядку вещей, бывшему до 1789 года. За это еще въ 1824 удаленъ онъ былъ отъ должности преподавателя и снова занялъ Профессорскую кафедру уже послѣ паденія Виллелева Министерства, въ 1828

году. Его курсъ новѣйшей Исторіи вышелъ въ свѣтъ подъ названіемъ: *Histoire générale de la civilisation en Europe*, сочиненіе, которое въ видѣ введенія въ его: *Histoire de la civilisation Française* (3 части, Парижъ, 1829) излагаесть великій свой предметъ въ блестящемъ очеркѣ. Въ Мартѣ 1829 года внесенъ онъ снова въ списокъ Экстраординарныхъ Государственныхъ Совѣтниковъ.

По появленіи Іюльскихъ Королевскихъ постановленій, когда бивша уже началась, Гизо написалъ прошеніе противъ нихъ, въ домъ Депутата Одри де Пюираво, гдѣ собралось около двадцати Депутатовъ, между тѣмъ какъ пули и каршени уже летали. Этого прошенія подписанъ былъ всѣми двадцатью Депутатами. Когда послѣ того старшая династія лишена была престола и Герцогъ Орлеанскій провозглашенъ Намѣстникомъ Государства, то Гизо увидѣлъ необходимость предупредить междоусобіе и безначаліе немедленнымъ установленіемъ новой Королевской власпи, и сѣдовательно признать упроченное Лафитшомъ и Лафайешшомъ возведеніе Орлеанскаго Дома на престолъ событіемъ, уже совершившимся (*fait accompli*) и законнымъ. Однако объ условіяхъ, на коихъ должно ствовало это приведено быть въ дѣйствіе, Гизо и мужи Пале-Рояля (*les hommes du Palais-Royal*) думали совсѣмъ иначе, чѣмъ Лафайешшъ и мужи Городской Думы (*les hommes de l'Hôtel de Ville*). На сей конецъ Депутатъ Бераръ — по увѣренію

Саррана, въ его сочиненіи: *Lafayette et la révolution de 1830* — написалъ въ смыслъ послѣднихъ предложеніе, которое хотѣлъ внести въ Палату Депутатовъ, и въ копоромъ между прочимъ слѣдующія правила поспановлялись въ условіе новой Королевской власти: отвѣстивенность Министровъ, уничтоженіе стариннаго и новаго дворянства, приличное уменьшеніе дѣль и плашежа повинностей, дающаго право на выборы, (*le cens électoral*), совершенное преобразование званія Перовъ; участіе граждаъ въ образованіи департаментскихъ и муниципальных управленій и проч. Временно избранные Министры увѣрили его, предъ отккрытіемъ засѣданія, что Министерскій Совѣтъ совершенно согласенъ съ его предположеніемъ; но что Герцогъ Орлеанскій убѣдительно проситъ его опложить до времени чтеніе сего предложенія для того, чтобы дать оному еще большую обширность. Хотѣли вечеромъ же призвать Берара въ Совѣтъ, чтобы согласился съ нимъ на счетъ измѣненій въ проектъ. Однако Бераръ не былъ приглашенъ; онъ явился къ Гизо и жаловался на это промедленіе. Тогда только вручилъ ему Гизо, писанный рукою Герцога де Броли, новый проектъ, составленный въ смыслъ Доктринеровъ. Въ ономъ плашежъ повинностей, на право быть избраннымъ, оспалвался по прежнему — 1000 фр., а на право выбора 300; въ составъ Палаты Перовъ не предполагалось ни какихъ измѣненій. Только на полъ прибавлено было рукою Гизо: всѣ, въ царствова-

ніе Карла X сдѣланныя назначенія и возведенія въ достоинство Перовъ, уничтожаются и объявляются недействительными. Времени оставалось мало; Палатъ Депутатовъ надлежало уже собираться; Бераръ успѣлъ однако же измѣнить проектъ временнаго Минисперства. Встрѣпившись съ Гизо у самой трибуны, онъ сказалъ ему: »Я сдѣлалъ много перемѣнъ въ вашемъ прудѣ.« — »Тѣмъ хуже, отвѣчалъ Гизо: вамъ не прощаясь этого.« Такъ рассказываетъ Сарранъ о началѣ разногласія между сиспемою новаго Правительсва и ожиданіями мужей Июльской революціи. Людовикъ-Филиппъ присягнулъ Хартіи, измѣненной Палатою Депутатовъ и принятой, въ засѣданіи 7 Августа, большинствомъ 219 голосовъ противъ 33, и потомъ 11 Августа назначилъ первыхъ своихъ Миниспровъ; спараясь соединить въ семь Минисперствъ оба противоположные образа мыслей. Дюпонъ-де-л'Эръ (Dupont de l'Eure) сдѣланъ былъ Хранилищемъ печати, Миниспромъ Юстиціи, Генераль Жераръ — Военнымъ Миниспромъ, Герцогъ де Броли — Миниспромъ Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, и вмѣстѣ съ шѣмъ Президентномъ Совѣща Миниспромъ, Гизо — Миниспромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Баронъ Луи — Миниспромъ Финансовъ, Графъ Моле — Миниспромъ Иностраныхъ Дѣлъ, Генераль Себастіани — Морскимъ Миниспромъ. Лафиттъ, Казимиръ Перье, Дюпенъ старшій и Биньонъ сдѣланы были Членами Минисперскаго Совѣща, не управляя ни какою

частію (*). Подобно другимъ Минисіпрамъ, Гизо также перемѣнилъ чиновниковъ своего Министерства. Изъ 86 Префектовъ 76 были уволены, изъ 277 Подпрефектовъ 196, изъ 86 Генеральныхъ Секретарей 53, изъ 315 Совѣтниковъ Префектуръ 127, пошому чпо они не могли бытъ преданы новому порядку вещей. Объ эсихъ и о прочихъ перемѣнахъ въ лицахъ своего управленія сообщилъ Гизо Паламъ Депушатовъ въ своемъ достопримѣчательномъ донесеніи опъ 13 Сентября о ходѣ дѣлъ управленія Государственнаго съ 11 Августа 1830 года. Не смотря на то, оппозиція продолжала представлять сомнительными правила и намѣренія Министерства и нападала на оное; особенно жестоко и сильно упрекали Министра Гизо и Доктринеровъ за выраженіе *quasi-légitimité*, которымъ Гизо думалъ примирить понятіе о законности съ возведеніемъ Людовика-Филиппа на престоль. Посему Король измѣнилъ свое Министерство повелѣніями опъ 2 и 18 Ноября 1830 такимъ образомъ, чпо система Доктринеровъ лишилась большею частію своего

(*) Временное Правительство, которое состояло изъ Генераловъ Лафайетта, Жерара и Герцога Шуазеля, раздѣлило 30 Юля Министерства на время слѣдующимъ образомъ: Герцогу де Броли назначило Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, Гизо Министерство Народнаго Просвѣщенія, Бивьону Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, Адмиралу Трюге — Морское, Дюпону — Министерство Юстиціи, Луи — Финансовъ, Жерару — Военное Министерство.

вліяння и перевѣсъ силы оспался на споронѣ людей и правилъ Іюльской революціи. Герцогъ де Броли, Луи, Гизо и Жераръ были уволены, Дюпонъ оспался Миниспромъ Юспиціи, Лафиттъ сдѣлался Президентомъ Министерскаго Совѣща и Миниспромъ Финансовъ. Графъ Монмаливе, Перъ Франціи, получили Министерство Внутреннихъ дѣлъ, Маршалъ Сультъ Военное Министерство, Графъ Себастіани Министерство Иноспранныхъ дѣлъ, Государственный Совѣтникъ Мерильу — Министерство Народнаго Просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и назначень былъ въ Президентъ Государственнаго Совѣща, Графъ д'Аргу Министерство Морское. Съ этихъ поръ Гизо, Депутатъ Города Лизьё (Lisieux) въ Кальвадоскомъ Департаментѣ, сидѣвшій въ Палатѣ на лѣвой споронѣ, принималъ самое живое участіе во всѣхъ важнѣйшихъ преніяхъ о предметахъ внутренией и внѣшней политики. Съ равною основательностію, какъ и краснорѣчіемъ, защищалъ онъ и излагалъ правила, коими дошло руководствовалося Правительство и мѣры, которыя оно приняло. Когда въ послѣдствіе времени, съ 13 Марта 1831, Казимиръ Перрье сдѣлался главою Министерства, а Лафиттъ перешелъ къ оппозиціи, то Гизо присталъ къ системѣ *настоящей середины* (le juste milieu) и мира; но долженъ былъ неоднократно выслушивать упрёки въ томъ, что во время своего управленія Министествомъ, онъ доставлялъ денежные пособія Испанскимъ выходцамъ, и слѣд-

ешвенно самъ содѣйствоваль планамъ пропаганды, прошивъ копорой пеперь спалъ вооружашься. При разсужденіи о важномъ вопросѣ о наслѣдственности достоинства Перовъ, онъ, подобно Тьеру и Гуману, и также Герцогу де Броли въ Палатѣ Перовъ, подаль голосъ вмѣстѣ съ меньшимъ числомъ, при чемъ за поддерживаемую имъ наслѣдственность достоинства Перовъ оказалось только 80 голосовъ. Такимъ образомъ, при всякомъ случаѣ вступаясь сильно и мужественно за Министерство, Гизо явилъ необыкновенныя дарованія ораторскія, можетъ быть величайшія, какими только можетъ похвалиться Франція, и возбудилъ удивленіе своихъ друзей, но столько же и завислъ своихъ противниковъ и ненавистъ республиканцевъ, копорые въ лицѣ его спарались осмѣявъ всю школу Доктринеровъ. Конечно, должно согласиться съ ними, что Гизо, знаменитѣйшій изъ учениковъ знаменитаго Ройе - Коллара, иногда слишкомъ выказываетъ въ своихъ политическихъ рѣчахъ то, что называютъ его Мешафизикою. По смерти Казимира Перрье надлежало преобразовать Министерство, копорое объявленіемъ Парижа въ осадномъ положеніи (7 Іюня 1832 г.) вооружило противъ себя общественное мнѣніе. Для соснавленія этого Министерства представлялось два способа, дабы удержанъ за собою большинство голосовъ въ Палатахъ: либо соединеніе Доктринеровъ съ Дюпеномъ старшимъ, копорый съ своими пріятелями: Бранже и Биньономъ, соснавлиень сред-

нюю партію (tiers-parti) между такъ называемыми Доктринерами и крайнею лѣвою спороною, либо соединеніе Дюпеня съ Одилономъ-Барро, если не хотѣли сего послѣдняго, вмѣстѣ съ главными лицами, подписавшими извѣстный Отчетъ (Compte-rendu), сдѣлать главою управленія. Но какъ, при угрожающемъ положеніи, которое Франція приняла въ отношеніи къ Голландіи, главою Министерства сдѣланъ былъ Маршалъ Сульсъ, то Дюпень, который лично не расположенъ къ Маршалу Сульшу и еще менѣе къ Гизо (какъ говорятъ, изъ литературной зависти) упорно отказывался отъ вступленія въ Министерство, будучи членомъ коего, ему надлежало бы защищать и оправдывать порицаемую имъ мѣру 7 Іюня. Король, со своей стороны, не могъ ни какъ рѣшиться на сближеніе съ лѣвою спороною Палаты выборомъ Одилон-Барро, ибо тогда ему надлежало бы отказаться отъ системы 13 Марта. И такъ Королевскимъ повелѣніемъ отъ 11-го Октября 1832 года составлено нынѣшнее Министерство, въ которомъ, собственно говоря, только четверо принадлежатъ къ Доктринерамъ: Герцогъ де Броли (Министръ Иностранныхъ Дѣлъ), который отказывался отъ вступленія въ Министерство безъ Гизо, Гуманъ (Министръ Финансовъ); Тьеръ, (сначала Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, или собственно Полиціи, а потомъ Министръ Торговли на мѣсто Графа д'Аргу, получившаго его Министерство), и Гизо, которому однако дано одно Министер-

ство Народнаго Просвѣщенія, попому, что, будучи Пропеспаншомъ, онъ не могъ завѣдывать духовными дѣлами. Сии послѣдніе вошли въ составъ Министерства Юстиціи подъ управленіемъ Барта. Въ силу Королевскаго повелѣнія отъ 12-го Октябрю къ вѣдомству Министерства просвѣщенія принадлежать: Королевскій Инспишупъ, Музеумъ Естесвенной Исторіи, Французскій Коллегіумъ, Публичныя Библіотеки, Академіи, Литературныя Общества, и другія учебныя и учебныя заведенія. Всѣ Журналы оппозиціи нападали на это Министерствво съ величайшимъ ожесточеніемъ. Газета Temps называла возвышеніе Докпринеровъ пресступленіемъ противъ общесвеннаго мнѣнія. Новое Министерствво сравнивали съ Министерствомъ Поляньяка! Нѣкоторые оуждали даже Короля за то, что онъ сдѣлалъ Пропеспанша начальникомъ народнаго просвѣщенія! Самого же Гизо упрекали тѣмъ, что онъ нѣкогда былъ Ценсоромъ и участникомъ въ усиліяхъ Бурбоновъ возвратиться къ старинному порядку вещей; что онъ старался ввести начало полу-законности (*quasi-légitimité*) и для защищенія прежняго своего управленія утверждалъ, будто власть всегда враждебна народу. Такимъ образомъ поднялась всеобщая война на перьяхъ противъ Докпринеровъ, которыхъ выславляли, наравнѣ съ Іезуитами, предметомъ народной ненависти. Время скоро покажетъ, позволитъ ли Франція ожесточенію обманутаго честолюбія или нападеніямъ прикрываго республиканизма

склонивъ себя къ opinions у нынѣшняго Министерства большинства голосовъ въ будущей Палатѣ, или Правительствѣ успѣвъ привлечь оное къ себѣ дѣятельнымъ и твердымъ управленіемъ дѣлами внутренними и вѣнскими. Доселѣ, по крайней мѣрѣ, Гизо старался сообщить новую и свѣжую жизнь остававшемуся въ большомъ небреженіи народному просвѣщенію. Доказательствомъ этому служишь циркулярное его предписаніе всѣмъ Начальникамъ Академій, въ которомъ онъ объявляетъ свое намѣреніе, пользуясь предложенными Кузенемъ нововведеніями, основать народное обученіе на нравственномъ образованіи, а сіе послѣднее на Религіи, и утвержденный по его предписанію Палатами законъ о первоначальномъ обученіи. Опъ уже назначилъ пособія разнымъ учебнымъ заведеніямъ во многихъ Департаментахъ, и заботился объ опредѣленіи способныхъ учителей. По его предложенію Г. Машеръ, Протестантъ, Инспекторъ Спразбургской Академіи, назначенъ Генеральнымъ Директоромъ по учебной части и получилъ порученіе составить общее руководство къ первоначальному обученію (*Manuel général de l'instruction primaire.*) Больше всего возбудило шуму возстановленіе Королемъ, по докладу Гизо 26-го Октября 1832 года, упраздненнаго Наполеономъ въ 1803 году (3-го плувіоза XI года) пятого класса Института, Академіи Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ. Въ ней положено было снова прежнее число Членовъ (30) и принято

раздѣленіе ихъ на пять отдѣленій: Философіи и Нравоученія, Законодательсва, Государственнаго и Частнаго Права, Полишической Экономіи и Статистики, Всеобщей и Философической Исторіи. Новое Министерсво приобрѣло чрезъ это новыхъ друзей и приверженцевъ; но также умножило и число своихъ противниковъ. Въ Ноябрь мѣсяцъ Гизо снова былъ избранъ избираемыми города Лизьё въ Депутаты значительнымъ большинствомъ голосовъ.

IV.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Р о с с і я.

Его Императорское Величество, по положенію Комитета Гг. Министровъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1-е) На станціяхъ Виленской, Едлинской и Солечницкой и вообще по Гродненскому далѣе Вильны тракту, какъ идущему чрезъ Царство Польское за границу въ Австрійскія и Прусскія владѣнія, платити восьми-копѣечные прогоны, и 2-е) платити также восьми-копѣечные прогоны по тракту С. Петербургскому отъ Вилькомира чрезъ Поневѣжъ до Шавли, впредъ до окончательнаго устройства и открытія главнаго почтоваго сообщенія С. Петербурга съ Вильною чрезъ Динабургъ.

По положенію Комитета Гг. Министровъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть со-

изволялъ: предоставитъ вольноопущеннымъ людямъ, равно получившимъ свободу по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ, записываться въ Кавказскія и другія Казачьи Линійныя Войска.

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ предположеніе Военнаго Министра по вопросу: освобождаются ли отъ тѣлеснаго наказанія дѣти личныхъ дворянъ, состоящія въ военной службѣ по силѣ Высочайшаго Манифеста 10 Апрѣля 1832 года и, принявъ въ соображеніе, что по силѣ сего Манифеста, Почетные Граждане освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія, а законныя дѣти личныхъ дворянъ, въ свободномъ состояніи находящіяся, принадлежатъ, по самому ихъ рожденію, къ потомственному Почетному Гражданству — высочайше утвержденнымъ 22 Декабря 1833 года Мнѣніемъ своимъ положилъ, что дѣти личныхъ дворянъ, какъ по гражданскому суду, такъ и по суду военному, не могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію за ихъ преступленія.

Высочайше назначены: Генералъ - Квартирмейстеръ Главнаго Штаба Е. И. В. Генералъ-Лейтенантъ Генералъ-Адъютантъ Нейдгартъ 2-й, Командиромъ 1-го Пѣхотнаго Корпуса, съ оставленіемъ въ прежнемъ званіи, на мѣсто Генерала отъ Кавалеріи Генералъ Адъютанта Графа Палена 1-го, который, по настоятельной просьбѣ его увольняется отъ командованія Корпусомъ, съ оставленіемъ въ прежнемъ званіи его при Особѣ Его Величества; Свиты Е. И. В. Генералъ-Маіоръ Графъ Толстой 2-й, Начальникомъ Штаба 3-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, съ оставленіемъ въ Свитѣ Е. И. В.

Всемилоостивѣйше пожалованы: Управляющій Придворною Коншорою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, Службскій Совѣтникъ Халчинскій въ Дѣйствительные

Спашскіе Совѣтники. Кавалерами ордена: Бѣлаго Орла Сенаторы Тайные Совѣтники Тучковъ и Челищевъ; Св. Владиміра 2-й степени Двора Е. И. В. Гофмейстеръ, Сенаторъ, Князь Урусовъ и Тайный Совѣтникъ Сенаторъ Пейкеръ; Св. Анны 1-й степени Д. С. С. Баронъ Франкъ; Св. Станислава 1-й степени Дѣйствительные Спашскіе Совѣтники Фонъ Дребушъ, Лошкаревъ и Оберъ Прокуроръ 8 Денаршаментна Правительствующаго Сенаата, Жихаревъ.

Его Императорское Величество, въ воздаяніе ревностнаго служенія и особенной попечительности о благоустройствѣ Епархій Преосвященныхъ Епископовъ: Могилевскаго Гавріила, Владимірскаго Парѣенія, Волынско-Житомирскаго Иннокентія и Полоцкаго Смарагда, по докладу Синода Всемилоостивѣйше наградинъ соизволилъ: первыхъ прехъ саномъ Архіепископа, а послѣдняго панагією, драгоценными камнями украшенною.

Ф р а н ц і я.

Пятеро Министровъ: Президентъ Совѣта и Министры Торговли, Внутреннихъ дѣлъ, Иностранныхъ дѣлъ и Финансовъ имѣли совѣщаніе съ Коммиссією, разсматривающею бюджетъ. Подобно Коммиссіи, они признали, что всѣ расходы, назначенные въ бюджетъ, могутъ быть раздѣлены на расходы *необходимые* и расходы *полезные*. Первые изъ нихъ суть тѣ, которые непременно должны быть произведены въ будущемъ году, потому что безъ нихъ Министертво не можетъ управлять дѣлами, потому что они нужны для чести и благосостоянія Франціи и этихъ расходовъ сократитъ не возможно; вторые суть тѣ, которые хорошо было бы произвести, но которые могутъ быть на время отложены. Въ числѣ первыхъ находятся расходы по арміи; Маршалъ Сульть про-

вишь отпуска суммъ на 371 тысячу человекъ. Комиссія полагаетъ поспавовишь, чпобы Армія состояла въ 1855 году изъ 310 тысячъ человекъ, также какъ и въ 1854; оппозиція пребуешъ, чпобы число войскъ понижено было до 284 тысячъ. Президентъ Совѣша объявилъ, что, по его мнѣнію, выгоды и честь Франціи пребуютъ, чпобы въ арміи было по крайней мѣрѣ 310 тысячъ человекъ, и что если Палата на это не согласится, то всѣ Министры немедленно подадутъ въ отставку.

29 Января Министры имѣли новое совѣщаніе съ Комиссіею, и говорятъ, что они согласились уменьшить расходы 57 милліонами съ половиною.

Палата Перовъ, въ засѣданіи своемъ 29 Января, начала разсмотрѣніе проекта закона объ устройствѣ Государственнаго Совѣша. Пренія были весьма незанимательны и спокойны. Въ засѣданіи 31 Января проектъ сей утвержденъ большинствомъ 91 голоса противъ 9.

Похороны Депутата Генерала Дюлона, (зятя Г. Дюпона де л'Эра,) убитаго на дуэли другимъ Депутатомъ, Генераломъ Бюжо, происходили 1 Февраля. Замѣтно было, что республиканскіе клубы съ нетерпѣніемъ ожидали этого дня, надеясь, что онъ будетъ для нихъ новымъ 5 Іюня; но они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ и должны были убѣдиться, что твердосѣ войскъ и національной гвардіи всегда сдѣлають усилія ихъ тщетными. Правительство заранѣе приняло всѣ мѣры предосторожности. Гробъ и Депутаты, его сопровождавшіе, были совершенно отдѣлены отъ толпы двумя рядами войска. Не смотря на чрезвычайное спеченіе народа, церемонія окончилась спокойно. Всѣ журналы радуются этому и описываютъ одинаково подробности церемоніи, но только оппо-

зипісіные журналы преувеличиваютъ мѣры предосторожности, принятыя Правительствомъ, и по своему обыкновенію, на это жалуясь; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ признаются, что лучше было предупредить безпорядки, чѣмъ прекращать ихъ.

Дуэли снова размножаются въ Парижѣ. Въ томъ же день, когда Генераль Дюлонъ былъ раненъ, двое Студентовъ Медицины дрались въ томъ же лѣсу и одинъ изъ нихъ смертельно раненъ пулею; на другой день, 30 Января, было три дуэли, и одна изъ нихъ кончилась также несчастнымъ образомъ; причиною всѣхъ сихъ дуэлей было политическое разногласіе. 31 Января, Г. Веронъ, Директоръ Театра Большой Оперы, дрался съ бывшимъ Директоромъ того же Театра Г. Роберомъ, который охуждалъ въ одномъ журналѣ управленіе Г. Верона. Эта дуэль была истинно театральная: оба противника выстрѣлили по два раза, никто ни въ кого не попалъ, секунданты помирили ихъ (какъ водится, съ большимъ трудомъ), и всѣ вмѣстѣ поѣхали зашпакать.

Эскадра, находившаяся въ Левантѣ и состоящая изъ корабля Дюкеня, фрегатовъ Ифигеніи и Галатей, корветовъ Корнелии и бригга Палинура, на которыхъ были размѣщены экипажъ погибшаго корабля Сюперба, возвратилась въ Тулонъ. Корабль Городъ Марсель остался еще близъ Пороса, чтобы собрать что можно изъ вооруженія корабля Сюперба.

Уголовный Судъ Шерскаго Департамента приговорилъ къ смерти Польскаго унтеръ-офицера Платона Поджирбскаго, покушавшагося на жизнь Генерала Бема, когда тотъ приглашалъ Поляковъ въ службу Дона Педро.

А н г л и я.

Министры каждый день собираются у Лорда Альбюрна и проводятъ обыкновенно въ совѣщаніяхъ

часа при или чепыре. 3-го Февраля рѣчь, которую Король долженъ произнести на другой день при открытіи Парламента, будетъ читана у Лорда Альшорпа въ присутствіи Членовъ, которые намѣреваются предложить и поддерживать въ обѣихъ Палатахъ проекты адресовъ.

Въ Палатѣ Перовъ адресъ предложенъ будетъ Герцогомъ Сутерландскимъ и поддерживаемъ Лордомъ Говикомъ д'Еттингамомъ; въ Нижней Палатѣ предложитъ адресъ Г. Летевръ, одинъ изъ Гампширскихъ представителей, а поддерживать это предложеніе будетъ Г. Моррисонъ, представитель Греничскій.

Герцогъ Веллингтонъ единогласно избранъ въ Канцлеры Оксфордскаго Университета на мѣсто умершаго Лорда Гранвилля. (Это избраніе важно потому, что показываетъ мнѣнія Университета). Введеніе его въ должность будетъ происходить съ большими торжествомъ. Недавно Герцогъ упалъ съ лошади и ранилъ себя въ лобъ, но не опасно.

29-го Января воды Темзы поднялись такъ сильно, какъ не было въ послѣдніе 40 лѣтъ. Въ лежащихъ близъ рѣки частяхъ города всѣ погреба и подвалы были затоплены, мебели плавали по улицамъ. Особенно много потерпѣли хлѣбные магазины. Нѣкоторыя улицы нѣсколько времени оставались подъ водою. Это несчастное происшествіе разорило множество семействъ.

Въ одномъ Журналѣ говорятъ, что переселеніе знатныхъ семействъ на твердую землю непрерывно увеличивается. Двое Вестъ-Индскихъ банкировъ говорятъ, что ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ годовъ, они не выдавали столько векселей путешествующимъ Англичанамъ, какъ въ прошломъ году.

Г. Деделъ, Нидерландскій Министръ въ Лондонѣ, на дняхъ возвратился шуда.

Богатый банкиръ Мелишъ (Mellish) на дняхъ умеръ и оставилъ 3.000.000 ф. ст. (75.000.000 р.) двумъ дочерямъ своимъ, изъ коихъ одна замужемъ за Лордомъ Эдвардомъ Тайномъ, а другая выходитъ за Лорда Гленгалля.

Въ Лондонѣ составляется новый клубъ изъ Членовъ Нижней Палаты, непринадлежащихъ ни къ одной изъ двухъ главныхъ партій (Виговъ и Торіевъ). Въ этомъ клубѣ считается уже болѣе пятидесяти членовъ; ни Г. Юмъ, ни Г. О'Коннелъ въ числѣ ихъ не находятся.

Извѣстія, получаемыя изъ южныхъ и западныхъ частей Ирландіи весьма горестны; безпрестанныя бури причиняютъ намъ величайшія несчастія. Вся почта эта спрана наводнена. Хлѣба засѣяно было весьма мало, да и пошъ, вѣроятно, большею частию пропадетъ. Каршотель, главную пищу Ирландцевъ, сажанъ было невозможно и вообще всѣ почтны земледѣльческія работы остановлены. Сѣна во многихъ частяхъ Ирландіи совсѣмъ нѣтъ; овцы мрутъ и цѣна шерсти, и безъ того уже дорогой, непрерывно возвышается. Слѣдствіемъ всего этого будетъ уменьшеніе хлѣба, спаде, и шерсти, и возвышеніе цѣны на все это.

Испанскія дѣла.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ (*del fomento*), Г. Бургосъ, подалъ въ отставку; на мѣсто его поступаетъ Г. Москосо Альшамира, который уже занималъ это мѣсто въ 1822 году, когда Г. Маршинесъ де ла Роза и Г. Гарели были также Министрами. Графъ Торрено, который за нѣсколько времени предъ симъ былъ изгнанъ изъ Мадрида, назначенъ Посланникомъ въ Парижъ. Генералъ Палагосъ наименованъ Командиромъ Гвардейской милиціи, на мѣсто Графа Санъ-Романа. Г. Рекахо, бывший Префектомъ Полиціи въ 1827 году, снова назначенъ въ сію должность. Г.

Лаптръ, занимавшій въ последнее время сіе мѣсто, наименованъ Помощникомъ Кастильскаго Генераль-Капитана. Генераль Вигоде поступаетъ въ Генераль-Капитаны Новой Кастиліи на мѣсто Генерала Фрейра, который остается Командиромъ Королевской Гвардіи; Генераль Паспоръ наименованъ Военнымъ Губернаторомъ Барцелоны.

Говорятъ, что Г. Фигероса, по причинѣ преклонныхъ лѣтъ своихъ, отказался отъ предложеннаго ему мѣста Министра.

Генераль Родиль, ходившій въ Португалію, возвратился въ Чудадъ-Родриго; теперь ужъ, какъ кажется, не боится, чтобы Донъ Карлосъ прибылъ въ Испанію, и войска Генерала Родили стараются только препятствовать многочисленному переселенію Испанцевъ въ Португалію.

Королевскія войска и гражданская милиція поочасъ разгоняють малочисленныя шайки инсургентовъ, появляющіяся въ разныхъ провинціяхъ; но въ другихъ мѣстахъ появляются новыя отряды, такъ что войска упоминаются непрерывными переходами и мало-важными спычками, и война плывется.

Правительство назначило Коммиссію для разсмотрѣнія состоянія Финансовъ.

Срокъ амнистіи, дарованной Баскимъ провинціямъ, окончился, и потому онѣ объявлены въ осадномъ положеніи. Содержаніе войскъ, которыя должны осаживаться тамъ для прекращенія безпорядковъ, будетъ обращено на счетъ жилищей. Туда идутъ 7000 ч. и начальство надъ тамошними войсками поручено будетъ, какъ говорятъ, Генералу Квезадъ.

ПОРТУГАЛЬСКІЯ ДѢЛА.

Португальская Инфантина Дона Марія Ассумпціонъ, родившаяся 25 Іюля 1805 года, скончалась въ Сантаремъ 5 Января, послѣ кратковременной болѣзни.

Въ Англійскомъ Журналѣ *Standart* говорятъ, что Маіоръ Броунсъ и многіе другіе Англійскіе офицеры перешли въ службу Дона Мигуэля; они прежде служили въ Опорто, но оставили службу Дона Педро, по причинѣ дурнаго обхожденія съ ними.

Въ Лондонѣ получены важныя извѣстія изъ Португаліи. Генералъ Салданья занялъ Леирію и взялъ въ плѣнъ тамошній Мигуэлистскій гарнизонъ. Оппшуда намѣревался онъ идти въ Коимбру, но 16 Января находился еще въ Леиріи. Въ гарнизонѣ Леиріи было 1476 человекъ пѣхоты и 46 ч. конницы. Педриссы заняли другую важную позицію въ Марвао, и потому полагаютъ, что Донъ Мигуэль не можетъ уже долгое время держаться въ Саншаремъ, тѣмъ болѣе, что заразительныя болѣзни тамъ увеличиваются.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Брюссельская Палата Представителей разсматриваетъ бюджетъ Министерства Финансовъ и до утвержденія всѣхъ бюджетовъ откладываетъ разсмотрѣніе всѣхъ другихъ проектовъ законовъ.

Въ одномъ Журналѣ напечатано слѣдующее исчисленіе суммъ, издержанныхъ на Бельгійскія крѣпости съ 1815 по конецъ 1827 года. Масстрихтъ 3.125.000 флориновъ, Липпихъ 2.885.000; Гюи 509.000; Намюръ 5.165.885; Динантъ 425 000, Маріенбургъ 265.000; Филиппвилъ 504.000; Бульонъ 50.000; Шарльроа 6.540.000; Монсъ 5.423.427; Ашъ 5.588.000; Менинъ 3.993.000; Илръ 3.958.497; Ньокоръ 4.530.000; Осендъ 5.537.000; Антверпенъ 3.000.000; Турне 4.089.000; Термондъ 2.989.057; Оденердъ 3.378.000; Гентъ 3.517.590. Издержки на артиллерию и вооруженіе всѣхъ сихъ крѣпостей проспирались до 13.500.000, такъ, что всего издержано на нихъ 84.364.556 флориновъ, или 178.548.744 руб.

Повелѣніемъ Голландскаго Короля отъ 22 Января

ря назначено набрать въ 1834 году для національной милиціи 8.094 ч. Другимъ повелѣніемъ отъ 27 Января, Генераль отъ Инфантеріи Шассе назначенъ Командиромъ крѣпости Бреды.

Въ Миланѣ скончался извѣстный Химикъ Кавалеръ Альдини, изобрѣшатель предохранительной отъ огня одежды.

7-го Февраля.

ИЗВѢСТІЯ, ПОЛУЧЕННЫЯ СЪ ПОСЛѢДНЕЮ ПОЧТОЮ.

А н г л і я.

4-го Февраля, Король открылъ собраніе Парламента слѣдующею рѣчью:

Милорды и Господа!

Созывая васъ вновь для исполненія важныхъ обязанностей вашихъ, пишу неограниченную довѣренность къ вашему усердію и дѣятельности, равно какъ и къ искреннему участию вашему въ пользахъ государственныхъ, и къ твердому спаранію вашему о сохраненіи существующаго образа Правленія на древнихъ его основаніяхъ надлежащимъ распределеніемъ его властей. Сими качествами особенно отличались занятія ваши въ прошлагоднему засѣданіи, въ печеніе коего Парламенту предлежало рѣшить многія и важныя дѣла, какихъ не было разсмотрѣно до того въ столь короткое время. Въ числѣ тѣхъ, утвержденныхъ законодательною властію, одною изъ самыхъ важныхъ и затруднительныхъ было уничтоженіе невольничества Негровъ. Принятіе сего закона во всѣхъ Британскихъ колоніяхъ, и успѣшное исполненіе онаго на островѣ Ямаикѣ заспавляетъ меня надѣясь самыхъ лучшихъ успѣховъ. Многіе другіе важныя предметы предлежатъ еще вашему разсмотрѣнію. Имѣющія поступившія въ Парламентъ донесенія Коммиссій, разсматривавшихъ состояніе городскихъ обществъ,

исполненіе и дѣйствія законовъ о бѣдныхъ, равно какъ состояніе церковныхъ доходовъ и папронаписствъ въ Англіи и Валлисѣ, послужающіе вамъ пособіемъ къ сужденію о количествѣ и свойствахъ нынѣшнихъ недо-спашковъ и злоупотребленій, и о средствахъ къ своевре-менному и полезному исправленію оныхъ. — Главною цѣлію спараній моей политики было обезпеченіе моего народа въ непрерывномъ сохраненіи благодатнаго мира. Великимъ къ тому пособіемъ служило мнѣ счастливо возстановленное согласіе съ Франціею, а получаемыя мною непрерывныя увѣренія о благорасположеніи прочихъ Державъ твердой земли, возбуждающіе во мнѣ надежду, что миролюбивыя спаранія мои и впредь будутъ успешны. — Между тѣмъ должно объявить съ сожалѣніемъ, что еще не послѣдовало окончательнаго согласія между Голландіею и Бельгіею, и что междоусобіе въ Португаліи все еще продолжается. — Вы можете быть увѣрены, что я съ усердіемъ и радостью воспользуюсь всякимъ представляющимся мнѣ случаемъ для возстановленія безопасности и мира въ спранахъ, коихъ выгоды тѣсно сопряжены съ поль-зами моего Государства. — По кончинѣ Короля Ис-панскаго я не колебался признать наследованіе Ин-фантины, его дочери; съ величайшимъ вниманіемъ бу-ду я слѣдить ходъ происшествій, имѣющихъ вліяніе на Правительство, успокоеніе и утвержденіе корпора-го важно какъ для Англіи, такъ и для общаго мира Европы. Миръ въ Турціи не былъ нарушенъ со вре-мени послѣдняго примиренія съ Мегметомъ-Али, и, какъ я надеюсь, вѣроятно и впредь нарушенъ не бу-детъ. — Я буду спараться о предупрежденіи всякой перемѣны въ отношеніяхъ сей Державы къ другимъ Государствамъ, которыя могли бы быть опасными бу-дущему ея существованію и независимости. — Гос-пода Члены Нижней Палаты! Я приказалъ предста-

вить вамъ смѣлы на будущій годъ. Онѣ составлены съ величайшею бережливостью и съ ограниченіями, кои не могутъ повредить государственному кредиту. Питайте надежду, что могу полагаться на просвѣщенную вашу любовь къ отечеству и на усердное содѣйствіе моего народа, если бъ случилась надобность поддерживать честь моей короны и выгоды моихъ владѣній. Отчетъ о состояніи доходовъ въ сравненіи съ расходами, конечно, найденъ будетъ весьма удовлетворительнымъ. — Милорды и Господа! Сожалѣю о продолжающейся крайности земскихъ помѣщиковъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ состояніе земли нашей, какъ по внутреннему спокойствію, такъ и по успѣхамъ торговли и фабрикъ, представляетъ опрадное зрѣлище возрасшающаго благосостоянія. — Утвержденные въ испекшемъ засѣданіи законы о принятіи разныхъ полезныхъ мѣръ въ Ирландіи, нынѣ приведены въ исполненіе. Дальнѣйшихъ исправленій надлежитъ ожидать отъ трудовъ Коммиссій, коимъ поручено изслѣдованіе другихъ важныхъ предметовъ. Поручаю вамъ въ наискорѣйшемъ времени распределеніе десятиннаго сбора въ упомянутой части Соединеннаго Королевства: симъ способомъ будутъ устранены всѣ основательныя жалобы безъ нарушенія правъ и собственности котораго либо изъ сословій моихъ подданныхъ, или какого либо учрежденія церковнаго и государственнаго. — Общественное спокойствіе вообще было сохраняемо, и нынѣшнее состояніе Ирландіи гораздо благопріятнѣе, нежели въ теченіе прошлаго года. Между тѣмъ узналъ я, къ крайнему моему сожалѣнію и справедливому негодованію, что еще покушаются побудить народъ къ требованію расторженія законодательнаго союза Ирландіи съ Англіею. Я объявилъ уже, что твердо и непременно рѣшился сохранять сей союзъ, залогъ нашего народна-

наго могущества и безопасности, при помощи Божіей, всѣми состоящими въ моей власти средствами. — Не сомнѣваюсь, что въ семъ дѣлѣ найду усердное и успѣшное пособіе въ содѣйствіи моего Парламента и народа. — Духъ непокорности, нынѣ болѣею частію удерживаемый въ предѣлахъ закона, но появляющійся еще во многихъ случаяхъ, долженъ быть преимущественно приписанъ коварнымъ проекамъ, коими стараются воздубить ненависть къ Правительству, недоверчивость и вражду между народами обѣихъ земель. Пагубныя слѣдствія сего бѣдсвѣннаго волненія падаютъ болѣе всего на обманутыя орудія сихъ неустройствъ. Соединенныя и усердныя старанія людей, преданныхъ Правительству и благонамѣренныхъ, необходимы для прекращенія смутеній и насилія, нарушающихъ спокойствіе обществу, и, въ случаѣ дальнѣйшихъ успѣховъ, угрожающихъ гибелью силѣ и безопасности Соединеннаго Королевства.“

Въ Верхней Палатѣ Парламента предложеніе о поднесеніи адреса на рѣчь сдѣлано Герцогомъ Сумерландомъ, а въ Нижней Г. Лестеромъ.

ШВЕЙЦАРИИ.

Въ Женевскихъ и другихъ газетахъ пишутъ о новомъ сумасбродномъ покушеніи бѣглыхъ Поляковъ, Итальянцевъ и другихъ мятежниковъ, собравшихся на берегу Женевского озера, подъ командою Ромарино. Они вздумали напасть на Савою, разграбили таможенныя заставы въ Анемасѣ и Виллаграндѣ, и въ первомъ изъ сихъ мѣстечекъ провозгласили Временное Правленіе. Но шоржесство ихъ было непродолжительно: они были разбиты и разсѣяны. Ромарино бѣжалъ съ шестидесятью людьми въ Каружъ (на Женевской землѣ), и тамъ положилъ оружіе. Это произошло 3-го Февраля. Вся шайка состояла чело-

тѣхъ изъ пяти сотъ. Въ числѣ ихъ было около сорока Пѣмцевъ, остальные же Поляки и Итальянцы. Все они разбѣжались въ разные спороны.

Ф р а н ц и я.

Въ засѣданіи Палаты Депутатовъ 4 Февраля происходили разсужденія о проектѣ закона объ образованіи въ Западныхъ Департаментѣхъ новаго полка Жаңдармовъ въ 3000 человекъ. Г. Ламаршинъ противился сему предложенію, и произнесъ въ пользу Западныхъ Департаментовъ длинную рѣчь, прерванную нѣсколько разъ изъясненіями негодованія ценсра Палаты. Онъ наконецъ потребовалъ объявленія общей амнистіи за все прошедшіе политическіе проступки, и говорилъ, что это есть вѣрнѣйшее средство къ возстановленію порядка въ Бандѣ. Нѣкоторые Члены одобрили сие предложеніе. Г. Робино воспроизвелъ мнѣнію Г. Ламаршина, и требовалъ, чтобы Правительство приняло еще строжайшія мѣры противъ Западныхъ провинцій. Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній Гг. Пеле, Дюбуа и Министра Внутреннихъ Дѣлъ, объявившаго, что сей законъ долженъ существовать не вѣчно, но только до совершеннаго успокоенія Запада, приняли первую статью слѣдующаго содержанія: „Къ бюджету Военнаго Министра на 1854 годъ прибавляется, на единовременное увеличеніе пѣшей жаңдармской команды, чрезвычайная сумма въ 1.446.000 франковъ.

— 4-го Февраля скончался въ Парижѣ Герцогъ Муши, бывшій Канцлеромъ Гвардіи Карла X.

И с п а н і я.

Графъ Торрено отправился въ Саншаремъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ. Ему предписано Королевою объявить Дону Мигуэлю, что она взираетъ на пребываніе Дона Карлоса въ какой бы то ни было части Португаліи, какъ на враждебное дѣйствіе противъ Испаніи. Изъ Саншарема пишутъ, что уже происходили стычки между Испанскими и Португальскими войсками.

Въ Мадридской газетѣ напечатаны три постановленія Королевы. Однимъ уничтожаются подаши съ хлѣбныхъ магазиновъ, вторымъ упраздняются цехи ремесленниковъ, третьимъ снимаются акцизы съ жизненныхъ припасовъ всякаго рода.

9-го Февраля.

V.

М О Д Ы.

Les robes de velours montantes sont d'un goût parfait pour les petites toilettes de jour; on les bouttonne sur le devant, ou on les ferme avec des noeuds de satin ou de velours.

Les redingotes de satin uni, de couleur foncée, sont aussi très bien pour un négligé ou toilette de visite et de promenade. Elles se ferment au milieu, ou sur le côté, avec des noeuds en rubans de satin. Les noeuds peuvent être de couleur claire sur une robe de nuance foncée.

Les ornemens noirs sur les robes de bal ont perdu toute leur faveur. Les noeuds noirs sont remplacés par des noeuds blancs, lorsque l'on veut faire une toilette de deux différentes nuances; autrement ils sont couleur sur couleur.

Les hommes portent au bal des pantalons blancs, des claques de velours et des souliers à boucles.

Бархатныя платья съ закрытою грудью весьма хороши для упреннаго убранства, не очень наряднаго; спереди эти платья застегиваются или завязываются бархатными или атласными бантами.

Рединготы изъ гладкаго атласа темнаго цвѣта весьма идутъ для неглиже, для визитовъ и для гулянья. Они завязываются спереди или съ боку бантами изъ атласныхъ лентъ. Эти банты могутъ быть свѣтлаго цвѣта на платьѣ цвѣта темнаго.

Черная уборка балльных платьевъ совершенно выходитъ изъ моды. Черныя банты замѣняются бѣлыми, когда нарядъ неоднотонный; въ противномъ же случаѣ того же цвѣта, какъ и платье.

Мужчины ѣздятъ на балъ въ бѣлыхъ панталонахъ, въ бархатныхъ клакахъ и въ башмакахъ съ пряжками.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes
5-го Февраля.)